5760-VI.

А. А. КАУФМАНЪ.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

ВЪ СИБИРИ.

Перепечатано изъ книги „Сибирь и Великая Сибирская желѣзная дорога“, изданной Департаментомъ Торговли и Мануфактуръ.

26332

Проверено 1939 г.

Фундамент. Библиотека Междун. Аграрного Ин-та.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Киршбаума, Дворцовая площ. д. М-ва Финансовъ.
1893.

БИБЛ[illegible]
Р. Р. МИ[illegible]
Шкапъ №
Рядъ №

ПРОВ.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
536
60

Земледѣліе и скотоводство.

Основанія землевладѣнія и формы землепользованія. Группировка Сибири по районамъ и общая характеристика ихъ: сѣверная окраина, переходная полоса, земледѣльческій районъ, степныя области, Приамурье. Земледѣліе: очеркъ почвенныхъ условій, система полеводства и сѣвообороты, обработка пашенъ и стоимость производства хлѣбовъ, густота посѣвовъ и урожаи, сбытъ хлѣба и хлѣбныя цѣны; земледѣліе въ степи и въ Приамурьѣ. Скотоводство у крестьянъ: его размѣры и значеніе, виды скота, падежи, скотоводство у киргизовъ.

Вся земля въ Сибири, какъ совершенно пустопорожняя, такъ и заселенная крестьянами русскаго происхожденія или аборигенами края—инородцами разныхъ племенъ и категорій, считается казенною, составляя собственность государства, за исключеніемъ южной половины Томской губерніи, составляющей, подъ именемъ Алтайскаго горнаго округа, собственность Кабинета Его Величества, а также ряда небольшихъ участковъ, пожалованныхъ и проданныхъ въ 50-хъ годахъ въ собственность различнымъ частнымъ лицамъ,—земли монастырей, городскихъ обществъ, и т. п.; но всѣ виды частнаго землевладѣнія и по своему крайне ничтожному пространству, и по своему экономическому значенію совершенно исчезаютъ въ огромной массѣ казенныхъ земель: частные владѣльцы нигдѣ не завели правильнаго хозяйства, а частью эксплоатируютъ свои имѣнія путемъ сдачи земли въ аренду крестьянамъ, частью-же совершенно забросили ихъ и не извлекаютъ изъ нихъ никакого дохода.

Въ Западной Сибири продажа земель въ частную собственность продолжалась до послѣдняго времени, когда съ упраздненіемъ Западно-Сибирскаго Генералъ-Губернаторства послѣдовало Высочайшее повелѣніе о прекращеніи продажи казенныхъ земель. Частнымъ владѣльцамъ въ Западной Сибири принадлежитъ не болѣе 300 тыс. десятинъ, не считая, конечно, Кабинетскихъ земель.

Изъ земель какъ казеннаго, такъ и Кабинетскаго вѣдомствъ очень значительная по протяженію часть (почти исключительно лѣса и пространства, пригодныя для земледѣльческой культуры) состоятъ въ непосредствен-

номъ вѣдѣніи и распоряженіи казны и Кабинета, которые, гдѣ встрѣчается къ тому возможность, извлекаютъ изъ нихъ доходъ путемъ эксплуатаціи лѣса, а также сдачи въ аренду покосовъ, пастбищъ, рыболовныхъ статей и т. п. Другая часть — огромная по пространству, но совершенно ничтожная по количеству живущаго на ней населенія и способности къ культурѣ, — именно весь крайній сѣверъ, — представляетъ собою урманы и тайги (незаселенныя лѣсныя пространства), тундры и вообще дикія мѣста, частью совершенно пустопорожнія, частью состоящія въ безпорядочномъ пользованіи малочисленныхъ племенъ бродячихъ инородцевъ; наконецъ, всѣ лучшія земли, наиболѣе пригодныя для земледѣлія и скотоводства, состоятъ въ пользованіи крестьянъ и болѣе культурныхъ инородцевъ. Изъ нихъ послѣдніе пользуются землей либо на основаніи простой давности фактическаго владѣнія, либо на основаніи старинныхъ документовъ, имѣющихся у довольно многихъ инородческихъ общинъ. Что касается крестьянъ, то основанія ихъ землепользованія представляются весьма разнообразными: дѣятельность Правительства по упорядоченію крестьянскаго землепользованія, продолжающаяся уже нѣсколько десятилѣтій, до сихъ поръ далеко не закончена, и потому осталось еще не мало крестьянскихъ общинъ и даже цѣлыхъ волостей, фактическое землепользованіе которыхъ не очерчено никакими опредѣленными границами; крестьяне живутъ на казенныхъ земляхъ и пользуются послѣдними въ такомъ размѣрѣ, какой допускается ихъ рабочею силой и размѣрами капитала; они пашутъ, косятъ, рубятъ лѣсъ, ловятъ рыбу вездѣ, куда только „топоръ, коса и соха ходитъ“. Но бо́льшая часть крестьянскаго населенія пользуется землей уже въ опредѣленныхъ, хотя и не имѣющихъ окончательнаго юридическаго значенія границахъ: въ Сибири еще не было окончательнаго поземельнаго устройства, подобнаго тому, которое установило поземельныя отношенія въ Европейской Россіи. Большей части крестьянскаго населенія земля отведена въ количествѣ, соотвѣтствующемъ пропорціи 18 десятинъ на душу мужескаго пола по даннымъ X ревизіи (1859 г.) съ прибавкой, гдѣ возможно, еще 3 десятинъ для ссыльно-поселенцевъ. При этомъ, въ однихъ случаяхъ отводъ земли дѣлался на цѣлую волость съ населеніемъ отъ 4 — 6 до 12 — 15 тысячъ душъ, въ другихъ—отдѣльно на каждое селеніе, въ третьихъ—на небольшія группы, по нѣскольку селеній въ каждой. Въ первомъ случаѣ территорія цѣлой волости обводилась одною общею межой, внутри которой крестьянамъ всѣхъ селеній предоставлялось, по усмотрѣнію, либо пользоваться землей совмѣстно, либо разграничиться, по обоюдному соглашенію, на отдѣльныя для каждаго селенія дачи; во второмъ случаѣ такія дачи для селеній нарѣзывались правительственными землемѣрами, и волость, слѣдовательно, совершенно утрачивала поземельное единство и сохраняла только административное значеніе; наконецъ, въ третьемъ случаѣ и волость, и селеніе оставались только административными единицами, а поземельною единицею становилась группа селеній.

Пользованіе землей внутри каждой отдѣльной, болѣе или менѣе крупной поземельной единицы также организовалось весьма разнообразными способами. Правда, русскій крестьянинъ всегда и всюду—по крайней мѣрѣ, въ изслѣдованныхъ частяхъ Сибири—приносилъ съ собою общинный принципъ и даже прививалъ его инородцамъ, но этотъ единый принципъ облекался въ самыя разнообразныя формы. Это и понятно: формы землепользованія, если не вполнѣ, то въ значительной мѣрѣ обусловливаются плотностью населенія и относительнымъ изобиліемъ земли, а въ этомъ отношеніи Сибирь представляетъ чрезвычайное разнообразіе: наряду съ мѣстностями, гдѣ земли до сихъ поръ еще гораздо больше, нежели населеніе можетъ обработать, есть (особенно въ Западной Сибири и въ частности въ Тобольской губерніи) не мало и такихъ мѣстностей, гдѣ дѣйствительно удобной для культуры земли приходится не больше какихъ-нибудь 6 — 8 десятинъ на мужскую душу; есть наконецъ и мѣстности, гдѣ культурную землю приходится создавать путемъ искусственнаго орошенія или, наоборотъ, путемъ удаленія избыточной влаги; далѣе, въ то время, какъ однѣ мѣстности, богатыя пахатною землей, страдаютъ отъ недостатка сѣнокосовъ или отъ безлѣсья, другія, наоборотъ, представляютъ собой сплошную лѣсную глушь или очень богаты сѣнокосами и пастбищами, но мало удобны для земледѣльческой культуры. Ясно, что всѣ эти и подобныя различія не могли не отразиться на формахъ землепользованія; эти формы въ Сибири представляютъ собою непрерывный рядъ, позволяющій прослѣдить, какъ происходило, подъ вліяніемъ сгущенія населенія, развитіе порядковъ землепользованія. Понятенъ, при такихъ обстоятельствахъ, высокій интересъ изученія сибирскихъ порядковъ,—этого живого осколка исторіи первоначальныхъ формъ землепользованія. Здѣсь, конечно, нѣтъ возможности коснуться этихъ порядковъ иначе, какъ въ самыхъ общихъ чертахъ,—охарактеризовавъ важнѣйшіе типы землепользованія, соотвѣтствующіе главнымъ ступенямъ, чрезъ которыя проходитъ постепенное заселеніе края.

Въ мѣстностяхъ, сравнительно недавно и очень рѣдко заселенныхъ, главнымъ образомъ въ Восточной Сибири и на Амурѣ, господствуетъ такая форма землепользованія, которая по внѣшности представляетъ много сходства съ подворнымъ, личнымъ землевладѣніемъ; община здѣсь еще не успѣла сформироваться, или если и существуетъ, то не имѣетъ надобности проявлять своей власти: земли такъ много, что каждый можетъ распахать, выкосить, занять подъ огородъ или загородить подъ выгонъ любое пространство, никого этимъ не стѣсняя. Въ результатѣ такихъ захватовъ образуются такъ называемыя **займки**, иначе — хутора: каждый крестьянинъ, хотя-бы и имѣющій домъ въ деревнѣ, строитъ себѣ на полѣ или въ лѣсу постройки, въ которыхъ живетъ лѣто, а иногда и весь годъ, — и вся земля, окружающая эти постройки, становится его „займкою“, его исключительною принад-

лежностью *), гдѣ онъ одинъ пашетъ, коситъ и пасетъ скотъ. Права хозяина на „заимку“ почти неограничены: онъ владѣетъ въ предѣлахъ ея не только тою землей, которую онъ дѣйствительно обрабатываетъ въ данное время, но и тою, которая лежитъ впустѣ—и этой земли никто, кромѣ заимочника, не можетъ эксплуатировать. Заимочная земля переходитъ по наслѣдству, можетъ продаваться и сдаваться въ аренду (хотя это право, въ виду изобилія свободныхъ земель, рѣдко находитъ случай осуществиться),—никто не стѣсняетъ заимщика въ относящихся до его земли дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ. Размѣръ „займки“ зависитъ исключительно отъ степени благосостоянія каждаго даннаго хозяина: займка богача охватываетъ 500, 1000 и болѣе десятинъ, средній хозяинъ „занимаетъ“ десятинъ 50—60, бѣднякъ—какія нибудь 5—10 десятинъ; но бѣднякъ не можетъ имѣть претензій на богача, потому что и ему, бѣдняку, никто не мѣшаетъ захватить изъ свободной земли хоть 1000 десятинъ.

Но вотъ настаетъ моментъ, когда свободныхъ земель, по крайней мѣрѣ доброкачественныхъ, больше не осталось; всякій удобный клочокъ вошелъ въ составъ той или другой „займки“, а между тѣмъ подростающее и прибывающее со стороны населеніе требуетъ земли и себѣ. Тогда „займочная“ форма теряетъ свой raison d'être и постепенно водворяется новая, „вольная“ форма пользованія. Сущность этой формы, наблюдаемой главнымъ образомъ въ Томской и Тобольской губерніяхъ, состоитъ въ томъ, что каждый имѣетъ право лишь на ту землю, въ которую онъ влагаетъ свой трудъ, и лишь до тѣхъ поръ, пока онъ его влагаетъ. Крестьянинъ владѣетъ пашней, пока ее пашетъ и засѣваетъ, но какъ только онъ ее оставилъ отдыхать, земля становится „вольною“, и ее можетъ вновь занять и распахать каждый желающій; на сѣнокосныхъ мѣстахъ трава, выросшая безъ помощи чьего-либо труда,—„вольная“: каждый коситъ, гдѣ хочетъ, и только сѣно становится собственностью того, чьимъ трудомъ оно заготовлено; „воленъ“ и доступенъ для всѣхъ и лѣсъ, и только тотъ можетъ завладѣть въ свое исключительное пользованіе участкомъ лѣса, кто окопалъ его канавой, очистилъ его отъ сучьевъ и вообще затрачиваетъ свой трудъ, чтобы оберечь его отъ пожара; „вольны“, наконецъ, и пастбища—каждый общинникъ можетъ пасти свой скотъ по всему пространству, предназначенному общиною для этой цѣли, но никто не можетъ загородить ни одного клочка пастбища въ свое исключительное пользованіе.

„Займочная“ и „вольная“ формы пользованія до сихъ поръ господствуютъ въ большей части Сибири; но по мѣрѣ сгущенія населенія и исчезновенія избытка земли сравнительно съ трудовою нормою, и „вольная“ форма начинаетъ дѣлаться столь-же стѣснительною для прибывающаго населенія, какъ когда-то оказалась „займочная“ форма, и тогда постепенно, цѣною тяжелой борьбы между разными входящими въ составъ общины группами

*) «Заимка» въ смыслѣ фактическаго землепользованія вполнѣ возможна, впрочемъ, и безъ построекъ.

крестьянства, совершается переходъ къ сопряженной съ передѣлами общинной формы землепользованія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Переходъ этотъ начинается обыкновенно съ той группы угодій, въ которой въ каждой данной мѣстности чувствуется сравнительно наибольшій недостатокъ; напротивъ, „вольное“ и „захватное“ пользованіе дольше всего сохраняются по отношенію къ тѣмъ угодьямъ, которыхъ въ данной общинѣ много, а также къ тѣмъ, обращеніе которыхъ подъ культуру требуетъ особенно большихъ затратъ труда; переходъ къ передѣлу начинается иногда съ пашенъ, иногда—съ покосовъ, иногда—съ лѣсовъ или кедровниковъ.

Самыя формы передѣла, встрѣчающіяся въ Сибири, весьма разнообразны: по отношенію къ сѣнокосамъ вездѣ, а гдѣ сравнительно много пашенъ, тамъ и по отношенію къ этому виду угодій,—господствуютъ способы передѣла, совершенно отличные отъ тѣхъ, которые выработаны общиною Европейской Россіи. Главная отличительная особенность сибирскихъ передѣловъ,—это стремленіе избѣгать дробленія земли на мелкія полосы: эти послѣднія рѣдко бываютъ менѣе десятины. Другая, не менѣе характерная черта — что за основаніе распредѣленія земли между общинниками принимается не столько пространство, сколько производительность и другія свойства земли, обусловливающія собою ея цѣнность для каждаго даннаго хозяина: каждому общиннику предоставляется взять, по его усмотрѣнію, большее количество земли плохой, удаленной отъ усадебъ или неудобно расположенной, или наоборотъ—меньшее количество хорошей или околодворной земли. Что̀ касается мѣстностей, гдѣ земледѣльческихъ угодій мало (главнымъ образомъ сѣверная окраина земледѣльческой части Тобольской губ.), то здѣсь, напротивъ, водворились порядки передѣла, въ общемъ сходные съ великороссійскими и характеризуемые строгимъ количественнымъ и качественнымъ уравненіемъ, которое достигается путемъ дробленія душевого надѣла на большое число мелкихъ душевыхъ полосъ.

Земли, состоящія въ казенномъ вѣдомствѣ, земли крестьянскія и инородческія, земли занятыя и пустопорожнія, занимаютъ въ Сибири огромныя пространства, измѣряемыя милліонами квадратныхъ верстъ и сотнями милліоновъ десятинъ. Въ сравненіи съ немногими милліонами, составляющими въ настоящее время населеніе Сибири, эти пространства кажутся безконечными, и невольно рождается мысль, что Сибирь можетъ дать мѣсто еще многимъ десяткамъ милліоновъ населенія,—можетъ на многіе десятки, а то и сотни лѣтъ обезпечить Европейскую Россію отъ перенаселенія и служить какъ-бы запаснымъ резервуаромъ, способнымъ принять изъ малоземельныхъ губерній все ихъ избыточное населеніе. Но если вспомнить, что почти вся Сибирь лежитъ на одной широтѣ съ непригодными для земледѣльческой культуры пространствами Британской Америки, и только южныя ея окраины—на одной широтѣ съ сѣверною окраиною Соединенныхъ Штатовъ; если вспомнить, каковы климатиче-

скія и вообще природныя условія большей части Сибири, то станетъ ясно, что лишь часть Сибири предназначена природою для культурной жизни. Необъятныя пространства сѣвера Сибири осуждены остаться совершенно или почти совершенно ненаселенными и недоступными для земледѣльческой культуры. Тамъ, гдѣ эта культура вдоль рѣкъ уже существуетъ въ настоящее время или можетъ развиться въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, междурѣчныя пространства представляютъ собою обширныя болота, тундры или гористыя территоріи, для культуры совершенно непригодныя; такой характеръ имѣютъ средняя часть Тобольской и сѣверная часть Томской губерній, почти весь Приамурскій край; то-же можно сказать и о трехъ степныхъ областяхъ, гдѣ лишь ничтожные участки пригодны для земледѣлія, а все остальное представляется солонцеватою степью, которой вѣроятно навсегда суждено остаться ареною киргизскихъ кочевокъ.

Собственно культурная часть Сибири охватываетъ въ настоящее время четыре губерніи коренной Сибири, Западной и Восточной, за исключеніемъ, однако, ихъ сѣверныхъ окраинъ: въ Тобольской губерніи—Березовскаго и Сургутскаго округовъ и сѣверныхъ половинъ Тобольскаго, Туринскаго и Тарскаго; въ Томской—Нарымскаго края; въ Енисейской—Енисейскаго округа, въ Иркутской—округовъ Киренскаго и Верхоленскаго. Сверхъ того, культурный характеръ имѣетъ почти вся Забайкальская область и на крайнемъ востокѣ—побережья Амура и Уссури, хотя здѣсь, какъ будетъ видно, культура существуетъ болѣе въ будущемъ, нежели въ настоящемъ; наконецъ, въ степныхъ областяхъ земледѣліе существуетъ и можетъ развиваться только въ нѣкоторыхъ частяхъ слѣдующихъ уѣздовъ: въ Акмолинской области — Кокчетавскаго, Атбассарскаго и Петропавловскаго, въ Семипалатинской—Семипалатинскаго и Павлодарскаго, и, кромѣ того, въ районахъ искуственнаго орошенія: въ Зайсанскомъ уѣздѣ той-же Семипалатинской области и на подгорныхъ полосахъ Семирѣчинской.

Весь сѣверъ — перечисленные выше округа четырехъ губерній коренной Сибири, вся Якутская область, кромѣ ничтожныхъ прирѣчныхъ полосокъ, Камчатка и морское побережье Охотскаго моря, представляетъ собою милліоны квадратныхъ верстъ тундръ и дикихъ лѣсовъ по болотистому грунту. Русское населеніе ограничивается здѣсь чинами администраціи, а также торговцами и прикащиками, ведущими мѣновую торговлю въ инородческихъ кочевьяхъ. Остальное населеніе, густота котораго, впрочемъ, не превышаетъ $2^1/_2$—3, а въ Якутской области даже 0,6 человѣкъ на квадр. милю, составляютъ инородцы—самоѣды, остяки, тунгузы, якуты, камчадалы и др., существующіе исключительно охотничьимъ и рыболовнымъ промыслами; продукты этихъ промысловъ отчасти служатъ имъ для собственнаго потребленія, главнымъ же образомъ идутъ въ обмѣнъ на хлѣбъ и другіе припасы, доставляемые русскими торговцами.

Между этою сѣверною *), совершенно некультурною частью Сибири, и чисто земледѣльческими ея мѣстностями тянется полоса, такъ сказать, переходнаго характера; къ ней принадлежатъ: въ Тобольской губерніи южная половина Туринскаго и средняя часть Тобольскаго округа, а также сѣверныя волости Тарскаго; въ Томской—сѣверныя окраины Томскаго и Маріинскаго округовъ; въ Енисейской—часть Енисейскаго округа, въ Иркутской—Тункинскій край и нѣкоторыя другія мѣстности. Эта переходная полоса характеризуется тѣмъ, что земледѣліе достигаетъ здѣсь уже болѣе или менѣе значительнаго развитія, но раздѣляетъ роль основного источника благосостоянія съ тѣми или другими промыслами: вдоль рѣкъ вездѣ тянутся удобныя для хлѣбопашества земли, но количество ихъ недостаточно для того, чтобы занять весь трудъ населенія и вполнѣ обезпечить его благосостояніе; въ то-же время лѣса и воды открываютъ просторъ развитію охоты и рыболовства, кедроваго промысла, заготовокъ дровъ и строевого лѣса, нѣкоторыхъ кустарныхъ промысловъ, и т. п. Въ населеніи этой переходной полосы русскіе крестьяне смѣшаны съ болѣе или менѣе обрусѣлыми инородцами, и въ образѣ жизни тѣхъ и другихъ не замѣчается существенной разницы.

Значительную долю населенія инородцы (главнымъ образомъ буряты) составляютъ еще и въ тѣхъ частяхъ собственно культурной полосы Сибири, которыя лежатъ дальше къ востоку и заселеніе которыхъ русскими совершилось сравнительно недавно; въ земледѣльческихъ округахъ Иркутской губерніи на инородцевъ приходится еще около 17%, въ Забайкальской области—30% всего населенія; въ культурной области Енисейской и Томской губерній число инородцевъ уже совершенно ничтожно, а въ чисто земледѣльческихъ округахъ Тобольской губерніи ихъ почти вовсе нѣтъ.

Главною характерною чертой культурной полосы Сибири являются значительные размѣры земледѣлія и преобладающее его значеніе, какъ основного источника благосостоянія населенія. Средній размѣръ засѣваемой площади на одинъ дворъ сельскаго населенія, включая сюда крестьянъ, инородцевъ и ссыльныхъ, по новѣйшимъ статистическимъ даннымъ, равняется:

въ южныхъ округахъ Тобольской губерніи	5,4	дес.,
„ средней части Томской губерніи	5,8	„
„ земледѣльческомъ районѣ Иркутской губерніи . . .	5,4	„

а на каждыя 100 душъ наличнаго населенія засѣянной хлѣбами площади приходится:

въ южныхъ округахъ Тобольской губерніи	104	дес.
„ средней части Томской губерріи	87	„
„ земледѣльческомъ районѣ Иркутской губерніи . .	97	„

*) Дѣленіе Сибири на полосы въ экономическомъ отношеніи, конечно, не вполнѣ совпадаетъ съ ея группировкой въ отношеніи естественно-историческомъ.

Отношеніе производства хлѣбовъ къ потребленію измѣняется, конечно, для каждой волости, а нерѣдко и для отдѣльнаго селенія, въ зависимости отъ количества удобныхъ для хлѣбопашества земель и ихъ почвенныхъ и т. п. условій. Взятый какъ одно цѣлое, земледѣльческій районъ не только прокармливаетъ свое населеніе, но и даетъ весьма значительные излишки хлѣба; продажа этихъ излишковъ является главнымъ источникомъ, изъ котораго населеніе платитъ подати и удовлетворяетъ своимъ важнѣйшимъ потребностямъ. По новѣйшимъ даннымъ, населеніе земледѣльческихъ округовъ Иркутской губерніи потребляетъ, при среднемъ урожаѣ, всего около 59% производимаго хлѣба, населеніе сѣверо-восточнаго угла земледѣльческаго района Томской губерніи—около 66%; 41% въ первой изъ названныхъ мѣстностей и 34% во второй составляютъ продажный избытокъ. Между тѣмъ названныя мѣстности далеко не принадлежатъ къ числу наиболѣе хлѣбородныхъ областей земледѣльческой Сибири; въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Алтайскій горный округъ, Минусинскій округъ Енисейской губерніи, лучшія волости юго-западныхъ округовъ Тобольской губерніи, отношеніе производства хлѣбовъ къ потребленію еще значительно благопріятнѣе, и продажный избытокъ хлѣба при среднихъ урожаяхъ составляетъ не менѣе половины всего производимаго количества *). Нельзя не упомянуть, однако, что въ чертѣ земледѣльческой полосы Сибири попадаются и такіе участки, гдѣ земля, благодаря дурнымъ почвеннымъ и климатическимъ условіямъ, не можетъ прокормить населенія; но такіе участки очень невелики, и населеніе ихъ существуетъ на счетъ избытка хлѣба ближайшихъ болѣе плодородныхъ мѣстностей.

Какъ-бы то ни было, вся экономическая судьба населенія культурной полосы Сибири всецѣло опредѣляется, вообще говоря, положеніемъ земледѣлія и тѣсно связаннаго съ нимъ скотоводства; хороша земля — населеніе достигаетъ высокой степени зажиточности и растетъ какъ естественнымъ путемъ, такъ и путемъ наплыва пришлыхъ элементовъ; земля плоха — населеніе нерѣдко расползается искать лучшихъ мѣстъ для поселенія.

Ремесла и промыслы, говоря вообще, играютъ въ экономической жизни населенія земледѣльческой полосы Сибири самую незначительную роль. Но есть внутри земледѣльческой полосы и такіе районы, гдѣ земледѣліе утрачиваетъ значеніе единственнаго источника благосостоянія и либо существуетъ рядомъ съ другими заработками, либо даже совсѣмъ уступаетъ этимъ послѣднимъ первенствующее мѣсто. Такъ, можно указать прежде всего на многія мѣстности, лежащія вдоль береговъ большихъ рѣкъ, гдѣ весьма существенную роль въ экономической жизни населенія играютъ рыболовство,

---

*) Вывозъ зернового хлѣба, преимущественно яровой пшеницы изъ Западной Сибири достигъ въ послѣдніе годы 10 — 12 милл. пуд. въ годъ; поэтому, общее количество добываемаго зерна въ этой части Сибири составляетъ не менѣе 85 милл. пуд. ежегодно.

служба на судахъ, а если вблизи есть хорошіе лѣса, — то и сплавъ лѣсныхъ матеріаловъ. Въ мѣстностяхъ, близко подошедшихъ къ ненаселеннымъ тайгамъ и урманамъ, важное значеніе имѣютъ: охотничій промыселъ, добываніе кедровыхъ орѣховъ, а при наличности удобнаго сбыта — и лѣсныя заготовки. Волости, прилегающія къ такимъ крупнымъ городскимъ центрамъ, какъ Томскъ, Тюмень, Красноярскъ, Иркутскъ, имѣютъ характеръ, обычный для пригородныхъ районовъ: земледѣліе въ нихъ мало развито или вовсе не существуетъ, и населеніе живетъ огородничествомъ, молочнымъ хозяйствомъ, заготовкой сѣна и дровъ, сдачею на лѣто дачныхъ помѣщеній, работами по очисткѣ городскихъ улицъ и т. п. занятіями, непосредственно служащими къ удовлетворенію потребностей городскаго населенія. Существуетъ, далѣе, нѣсколько кустарныхъ районовъ: самый большой изъ нихъ окружаетъ гор. Тюмень и тянется отъ него къ сѣверо-западу, второй расположенъ вокругъ гор. Томска; другіе, болѣе мелкіе, встрѣчаются во всѣхъ губерніяхъ земледѣльческой полосы Сибири. Во всѣхъ этихъ кустарныхъ районахъ выдѣлываются преимущественно деревянныя издѣлія и продукты перегонки дерева, предназначенные служить частью для потребностей мѣстнаго, собственно-крестьянскаго населенія, частью — для снаряженія двигающихся по главному Сибирскому и другимъ трактамъ обозовъ. Но значеніе всѣхъ перечисленныхъ неземледѣльческихъ заработковъ въ общей экономіи Сибири, и въ частности—ея земледѣльческой полосы, совершенно ничтожно въ сравненіи съ тою ролью, которую играетъ и особенно игралъ въ прежнее время главный Сибирскій трактъ. Прежде, пока не было пароходнаго сообщенія, трактъ этотъ былъ единственною артеріею, связывавшею Европейскую Россію съ Сибирью, а чрезъ нее—и съ Китаемъ. Движеніе по тракту и лѣтомъ, и зимой, было огромно; перевозка пассажировъ и товаровъ, почтъ и арестантовъ, земскихъ чиновниковъ и солдатскихъ партій, поглощала почти всю рабочую способность трактоваго населенія. Земледѣліемъ на трактѣ занимались сравнительно немногіе, да и тѣ не видѣли въ немъ своего главнаго занятія; масса населенія жила исключительно или почти исключительно извозомъ, дворничествомъ и пр. Въ настоящее время значеніе тракта далеко не то: пароходство по Иртышу и Оби почти совершенно устранило лѣтнее движеніе на участкѣ тракта между Тюменью и Томскомъ, пароходство по Чулыму поглотило значительную часть движенія между Томскомъ и Ачинскомъ; трактъ оживаетъ здѣсь только зимой, да и зимнее движеніе теперь гораздо меньше прежняго и далеко не даетъ прежнихъ барышей трактовому населенію. Послѣднее, поэтому, бросилось на земледѣліе, запашки вездѣ расширились и будутъ расширяться и далѣе, и трактовыя селенія утратили уже значительную часть своей прежней своеобразности.

На этомъ можно закончить общую характеристику земледѣльческой полосы Сибири. Что̀ касается окраинъ, то объ Якутской области говорилось ранѣе какъ о мѣстности совершенно некультурной и населенной

инородцами-охотниками и рыболовами; здѣсь можно указать только на значеніе при-Ленскаго тракта, вдоль котораго группируется почти все русское населеніе области и который доставляетъ этому населенію главнѣйшія средства къ существованію. Въ трехъ степныхъ областяхъ, какъ уже упоминалось, есть культурные оазисы, гдѣ существуетъ и можетъ развиваться земледѣліе; затѣмъ все остальное пространство этихъ областей представляетъ собою кочевья киргизовъ, живущихъ исключительно продуктами своего скотоводства и не обѣщающихъ въ сколько-нибудь близкомъ будущемъ перейти ни къ земледѣльческой культурѣ, ни къ промысловой дѣятельности. Попытки перехода къ земледѣлію, встрѣчаемыя между киргизами, представляются, вообще говоря, совершенно отрывочными и не имѣютъ сколько-нибудь серьезнаго значенія; даже поселившіеся отдѣльными дворами въ крестьянскихъ селеніяхъ южной части Тобольской губерніи, нерѣдко принявшіе православіе киргизы, — и тѣ занимаются исключительно скотоводствомъ, пастбою скота по найму у крестьянъ, нерѣдко конокрадствомъ, и только наиболѣе зажиточные изъ нихъ сѣютъ овесъ, чтобы кормить имъ своихъ многочисленныхъ лошадей. Не подходятъ подъ эту общую характеристику только киргизы, живущіе въ части Зайсанскаго уѣзда и на подгорьяхъ Семирѣченской области (такъ называемые киргизы Большой Орды и Дикокаменные), жизнь коихъ представляетъ весьма любопытную комбинацію кочевого быта съ очень интензивнымъ ирригаціоннымъ земледѣліемъ: и эти киргизы, какъ и другіе, имѣютъ мѣста зимняго и лѣтняго кочеванія, но изъ этихъ послѣднихъ они по нѣскольку разъ въ лѣто прикочевываютъ къ пашнямъ для поливки ихъ, пахоты и посѣва, уборки хлѣба и т. п. Съ приходомъ русскаго населенія киргизы не только научили его своимъ земледѣльческимъ пріемамъ, но и уступили ему значительную часть своихъ орошаемыхъ земель, а сами перенесли центръ тяжести своего хозяйства на скотоводство; отъ этого, впрочемъ, они ничего не потеряли, такъ какъ выгодный сбытъ на продукты ихъ скотоводства, появившійся съ приходомъ русскихъ, вполнѣ вознаградилъ ихъ за сокращеніе размѣровъ земледѣлія.

Переходя наконецъ къ Амурской окраинѣ, мы видимъ, что Приамурье можетъ быть разбито на три крупныхъ участка: одинъ изъ нихъ расположенъ выше впаденія въ Амуръ Зеи, другой—ниже впаденія Буреи, третій—между низовьями этихъ двухъ рѣкъ. На первыхъ участкахъ для культуры пригодны въ настоящее время только земли, расположенныя на второй террассѣ Амурской долины (первая террасса затопляется по нѣскольку разъ въ лѣто, а потому ни для поселенія, ни для земледѣлія служить не можетъ); внѣ этой долины мѣстность представляетъ собой частью горные хребты, частью изрытыя оврагами и долинами плоскогорья, вершины которыхъ, благодаря покрывающему ихъ дремучему лѣсу, никогда какъ слѣдуетъ не просыхаютъ и потому имѣютъ въ значительной мѣрѣ болотистый характеръ;

по мѣрѣ вырубки и выжиганія лѣсовъ почва плоскогорій мало по малу просыхаетъ и становится годною для культуры, такъ что со временемъ эта послѣдняя несомнѣнно будетъ захватывать все болѣе и болѣе широкую полосу. Но этотъ процессъ не можетъ подвигаться быстро, — и во всякомъ случаѣ въ настоящее время вся нагорная часть разсматриваемой мѣстности представляется совершенно пустынною и служитъ только ареной охотничьяго промысла приамурскаго населенія. Главнымъ занятіемъ послѣдняго является земледѣліе; при посѣвѣ, въ среднемъ, по 4 — 5 десятинъ на дворъ, оно въ общемъ обезпечиваетъ продовольствіе мѣстнаго населенія, но почти не даетъ ему продажныхъ избытковъ хлѣба. Важнѣйшими дополнительными заработками являются перевозка товаровъ на золотые пріиски, доставка на тѣ-же пріиски сѣна, рыболовство, охотничій промыселъ, поставка дровъ на пароходы и т. д. На участкѣ между низовьями Зеи и Буреи пригодная для культуры полоса гораздо шире: здѣсь годна для культуры не только вторая терраса Амурской долины, но и водораздѣлъ Зеи и Буреи, заслуживающій названія „Амурской преріи“. Населеніе частью русское, частью манчжурское здѣсь гораздо гуще, нежели въ остальномъ Приамурьѣ, размѣры запашекъ гораздо больше, хлѣбъ производится не только для собственнаго потребленія, но и на продажу. Но и въ этой области, какъ и во всемъ вообще Приамурьѣ, развитію культуры мѣшаютъ климатическія условія, а именно избытокъ влаги; чрезмѣрно влажный и дождливый климатъ неблагопріятно отражается и на качествѣ зерна, и на скотоводствѣ, которое пока не приноситъ мѣстному населенію почти никакой выгоды. Чтобы могла здѣсь развиться культура, нужно или измѣненіе климатическихъ условій, на что и можно разсчитывать въ будущемъ *), или выработка новыхъ, болѣе соотвѣтствующихъ этимъ условіямъ пріемовъ земледѣльческаго и скотоводческаго хозяйства.

Еще гораздо больше избытокъ влаги на самой восточной окраинѣ Приамурья и всей вообще культурной Сибири — въ Уссурійскомъ краѣ: здѣсь сѣять хлѣбъ нельзя иначе, какъ грядами, оставляя между ними канавки для стока воды и свободнаго движенія воздуха, и развитіе культуры здѣсь еще менѣе, нежели въ остальномъ Приамурьѣ, возможно неиначе, какъ по предварительной осушкѣ края, или при условіи примѣненія какихъ-либо другихъ мѣръ для борьбы съ избыткомъ влаги.

На этомъ можно закончить общую экономическую характеристику тѣхъ районовъ, на которые распадается Сибирь по степени развитія земледѣльческой культуры, и перейти къ обзору отдѣльныхъ источниковъ благосостоянія сибирскаго населенія. Въ виду преобладающаго значенія земле-

*) Такое измѣненіе замѣчено было новѣйшимъ изслѣдователемъ края, акад. Коржинскимъ, по сравненію его личныхъ наблюденій съ показаніями академика Максимовича, путешествовавшаго по Амуру 30-ю годами ранѣе.

дѣлія для главной массы этого населенія, описанію его должно быть посвящено больше всего вниманія.

Характеръ и складъ земледѣльческаго производства опредѣляются густотою населенія, условіями сбыта и т. п. условіями экономическаго характера, съ одной стороны, и условіями естественно-историческими, главнымъ образомъ почвенными и климатическими, съ другой. О густотѣ населенія, климатическихъ и т. п. условіяхъ была уже рѣчь въ предъидущемъ изложеніи; о сбытѣ и вообще экономической обстановкѣ сибирскаго земледѣлія придется говорить ниже. Здѣсь-же необходимо дать общую характеристику сибирскихъ почвъ. Къ сожалѣнію, имѣющіяся по этому вопросу свѣдѣнія далеко не могутъ быть признаны удовлетворительными: строго научное изслѣдованіе почвъ, съ химическими анализами, произведено было до сихъ поръ только въ двухъ небольшихъ районахъ—въ одномъ округѣ Иркутской губерніи и въ Барабинской степи, Томской губерніи; затѣмъ по нѣкоторымъ округамъ Тобольской и Томской губерній и по Приамурскому краю имѣются почвенныя описанія, основанныя на простыхъ осмотрахъ, связанныхъ съ измѣреніями мощности почвы и лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ—съ опредѣленіями образцовъ ея по наружному виду, рѣже—путемъ отмучиванія, опредѣленія перегноя (гумуса) и т. п. болѣе точныхъ пріемовъ. По многимъ же мѣстностямъ на почвенныя условія въ литературѣ нѣтъ и вовсе никакихъ указаній. Такимъ образомъ, почвенныя условія Сибири еще ожидаютъ серьезнаго научнаго изученія. Большой шагъ въ этомъ отношеніи будетъ сдѣланъ въ ближайшемъ будущемъ, когда дастъ плоды проектируемая нынѣ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ экспедиція, имѣющая цѣлью изучить почвенныя условія всего пространства Сибири, прорѣзаннаго линіей Великой Сибирской дороги. До тѣхъ же поръ можетъ быть представленъ лишь самый общій очеркъ этихъ условій,—можетъ быть дана только поверхностная характеристика, далеко не удовлетворяющая требованіямъ строгаго научнаго описанія.

Наибольшее разнообразіе представляютъ и въ то-же время сравнительно полнѣе описаны почвенныя условія Тобольской губерніи. Та часть этой послѣдней, гдѣ существуетъ земледѣліе, въ смыслѣ расположенія пахатныхъ земель и ихъ почвенныхъ условій, можетъ быть раздѣлена на три полосы: сѣверную, лежащую къ сѣверу приблизительно отъ 58—59 параллели и захватывающую сѣверныя части округовъ Туринскаго и Тобольскаго; среднюю, лежащую примѣрно между 56 и $58^1/_2$ параллелями и обнимающую южныя окраины двухъ только-что названныхъ округовъ, весь Тюменскій округъ и сѣверныя половины Тарскаго, Ишимскаго и Ялуторовскаго, и южную, охватывающую южныя части трехъ послѣднихъ округовъ, округа Курганскій и Тюкалинскій въ полномъ составѣ и прилегающую къ границѣ Тобольской губерніи окраину Акмолинской области.

Сѣверная изъ очерченныхъ только-что полосъ представляетъ собой мѣстность, гдѣ земледѣліе существуетъ лишь спорадически: это сплошные урманы—пространства лѣсисто-болотнаго характера, въ общемъ совершенно неудобныя для земледѣльческой культуры и разработанныя подъ пашню лишь по узкимъ полоскамъ, окаймляющимъ русла болѣе крупныхъ рѣкъ и обращеніемъ своимъ въ пригодное для культуры состояніе обязаннымъ ихъ дренирующему вліянію. Пахатныя земли расположены здѣсь частью на болѣе высокихъ, незатопляемыхъ обыкновенными разливами рѣкъ участкахъ рѣчныхъ долинъ, частью на отлогихъ скатахъ — „увалахъ", соединяющихъ дно долины съ плоскимъ междурѣчнымъ пространствомъ, частью — тамъ, гдѣ долина ограничивается не отлогимъ скатомъ, а крутымъ обрывомъ — „яромъ", и по окаймляющимъ „яры" узенькимъ полоскамъ междурѣчнаго плато, за которыми сейчасъ-же начинаются некультурныя площади болотистаго урмана. Что̀ касается до почвъ, то на пашняхъ первой группы—долинныхъ—преобладаютъ очень связныя глинистыя почвы, частью сѣрыя, слабо окрашенныя перегноемъ, частью черныя, содержащія этого послѣдняго 10—12 и до 15%; черныя земли представляютъ однако двѣ разновидности: съ одной стороны стоитъ глинистый черноземъ на участкахъ съ выпуклымъ рельефомъ—наиболѣе плодородная изъ всѣхъ встрѣчающихся въ данной мѣстности почвъ; съ другой—черная земля на участкахъ, имѣющихъ вогнутый рельефъ и страдающихъ отъ избытка влаги,—очень плохая и неплодородная почва болотно-растительнаго характера, неспособная давать удовлетворительныхъ урожаевъ даже озимой ржи и благопріятствующая посѣвамъ одного только овса. На отлогихъ склонахъ—„увалахъ" преобладаютъ почвы болѣе рыхлыя, хотя все-же съ преобладающимъ суглинистымъ характеромъ, довольно богатыя перегноемъ и окрашенныя въ темно-бурый цвѣтъ, на красновато-желтой глинистой подпочвѣ; эти почвы, на ряду съ глинистымъ черноземомъ рѣчныхъ долинъ, считаются въ данной мѣстности наиболѣе доброкачественными; увальныя пашни цѣнятся тѣмъ болѣе, что онѣ благодаря своему мѣстоположенію болѣе другихъ обезпечены отъ неблагопріятныхъ атмосферическихъ и т. п. вліяній. Наконецъ пашни, распаханныя вдоль „яровъ" по окраинамъ междурѣчныхъ плато, имѣютъ почву очень бѣдную гумусомъ и способную давать урожаи лишь при очень интензивномъ удобреніи; отчасти это рыхлыя супесчаныя земли, въ ближайшихъ къ Уралу мѣстностяхъ съ замѣтною примѣсью мелкихъ камешковъ — „гальки", отчасти — подзолистые суглинки типа, господствующаго въ мѣстностяхъ лежащихъ далѣе къ югу.

Вся средняя полоса Тобольской губерніи представляетъ собой совершенно плоскую равнину, прорѣзанную болѣе или менѣе широкими долинами различныхъ рѣкъ и рѣчекъ. Какъ и сѣверная полоса, она имѣетъ преобладающій лѣсной характеръ; но въ отличіе отъ сѣверной полосы, въ ней господствуютъ не хвойные, а лиственные, главнымъ образомъ, березовые лѣса; затѣмъ болота, хотя также очень обширныя, занимаютъ здѣсь однако гораздо

меньшую часть общей площади, нежели въ сѣверной полосѣ. Въ мѣстностяхъ средней полосы, поэтому, удобными для земледѣльческой культуры представляются не только рѣчныя долины и окаймляющія ихъ полосы, но и болѣе или менѣе значительныя части междурѣчныхъ плато: удобныя для хлѣбопашества земли разбросаны здѣсь иногда болѣе или менѣе обширными участками, а иногда и мелкими клочками между неудобныхъ для культуры лѣсныхъ и болотныхъ земель. Почвенныя условія этихъ лѣсныхъ пашенъ представляются очень однообразными: это—почти исключительно „бѣлики", характеризуемые весьма тонкимъ, въ вершокъ или полтора, слоемъ дерна, подъ которымъ залегаетъ слой, вершковъ въ 5—6, почти безплоднаго, свѣтлосѣраго подзолистаго суглинка, лежащаго на красновато-желтой глинѣ. Довольно пригодные для хозяйства съ удобреніемъ, „бѣлики", при отсутствіи послѣдняго, очень неблагопріятны для земледѣлія по своимъ физическимъ свойствамъ и въ то-же время очень малоплодородны: хлѣбныя растенія берутъ пищу только изъ верхняго дернового слоя, и когда послѣдній истощается (истощеніе наступаетъ послѣ 3—4 хлѣбовъ), то пашню приходится бросать на 20—25 и болѣе лѣтъ, пока на ней не образуется новый дерновый слой. Понятно, при такихъ условіяхъ, почему земледѣліе на почвахъ этого рода можетъ лишь слабо развиваться; оно группируется и во всей средней полосѣ вдоль рѣкъ, гдѣ почвенныя условія представляются гораздо болѣе благопріятными: распахиваются главнымъ образомъ отлогіе прирѣчные „увалы", тянущіеся иногда вдоль обоихъ береговъ рѣкъ, иногда—вдоль одного изъ нихъ, и при болѣе значительныхъ рѣкахъ достигающіе въ ширину нѣсколькихъ верстъ, при вышинѣ надъ уровнемъ долины до 30—40 саженъ. Почвенныя условія „увальныхъ" пашенъ довольно однообразны: почва—вездѣ темнобурый суглинокъ, довольно рыхлый, нерѣдко съ замѣтною на глазъ примѣсью крупныхъ зеренъ кварца, на красно-желтой глинистой подпочвѣ; мощность пахатнаго слоя обыкновенно колеблется отъ 5—6 до 8 вершковъ, причемъ почва бываетъ тѣмъ богаче гумусомъ и тѣмъ плодороднѣе, чѣмъ больше мощность пахатнаго слоя. Надъ „увалами", на окаймляющихъ послѣдніе полосахъ междурѣчнаго плато, почва нерѣдко переходитъ въ очень мощную (10—12 вершк. и болѣе), богатую гумусомъ (до 15—17%), но малоплодородную черную рыхлую землю, имѣющую несомнѣнный болотно-растительный характеръ. Внутри рѣчныхъ долинъ пашутъ мало—большею частью эти долины представляютъ собой луговыя поймы или же бываютъ настолько узки, что не оставляютъ простора для развитія земледѣлія; тамъ же, гдѣ долины пашутся, преобладаютъ связныя глинистыя почвы тѣхъ-же типовъ, которые мы очертили, говоря о почвахъ сѣверной полосы.

Но наибольшій интересъ и наибольшее разнообразіе представляютъ почвенныя условія южной полосы Тобольской губерніи, входящей въ составъ такъ называемой Ишимской степи. Рельефъ этой степи представляется въ высшей степени любопытнымъ. Въ общемъ безусловно плоская, эта степь усѣяна массою

озеръ, между которыми тянутся небольшія возвышенія — „гривы“ или „острова“; всегда длинные и узкіе въ планѣ (длина ихъ достигаетъ иногда многихъ верстъ, ширина же на уровнѣ горизонта измѣряется сотнями саженъ и никогда не превышаетъ версты), всегда направляясь своею длинною осью съWSW на ONO и не превышая 3—4 саженъ въ вышину, они имѣютъ чрезвычайно отлогіе склоны и отличаются преобладаніемъ темно-бурыхъ, рыхло-суглинистыхъ почвъ съ сильною примѣсью бѣлаго песку, на красноватой глинистой подпочвѣ. На видъ очень сходныя съ „увальными“ почвами средней полосы, почвы на „островахъ“ Ишимской степи, характеризуемыя произрастаніемъ въ нераспаханномъ состояніи дикой вишни гораздо плодороднѣе и особенно хороши для культуры пшеницы, почему и засѣваются преимущественно этою послѣднею. Что̀ касается до лежащихъ между „островами“ плоскихъ пространствъ, то они представляютъ собою частью „голый“ солонецъ, совершенно обнаженный отъ растительности или покрытый типичною растительностью вродѣ Salsola и т. п., частью ковыльную степь, по которой, въ едва замѣтныхъ на глазъ ложбинкахъ, разбросаны березовые и осиновые перелѣски—„ко̀лки“; участки, удобные подъ культуру хлѣбовъ есть и на открытой степи, и въ „ко̀лкахъ“, но почвенныя условія тѣхъ и другихъ совершенно различны: на открытой степи почва—„подсоло̀нокъ“, т. е. темносѣрая, очень связная глина, покрытая тонкимъ дерновымъ слоемъ; въ „ко̀лкахъ“—черная, очень мощная, но въ то-же время малоплодородная почва, имѣющая опредѣленный болотно-растительный характеръ.

И общій видъ, и почвенныя условія Ишимской степи нѣсколько измѣняются по мѣрѣ движенія съ запада на востокъ: на западной ея окраинѣ—въ Курганскомъ округѣ и въ юго-западной части Ишимскаго—„острова“ не велики, но за то расположены очень густо, такъ что занимаютъ большую часть территоріи и сообщаютъ послѣдней волнистый характеръ; почва на „островахъ “окрашена очень темно и дикая вишня, признакъ отличнаго ея качества, встрѣчается повсемѣстно. Дальше къ востоку, въ юго-восточномъ углу Ишимскаго округа и въ Тюкалинскомъ, вишня исчезаетъ, почвы на „островахъ“ имѣютъ, вообще говоря, болѣе свѣтлую окраску и гораздо менѣе плодородны; сами „острова“, каждый въ отдѣльности гораздо болѣе длинные, разбросаны по степи довольно рѣдко, такъ что степь здѣсь имѣетъ скорѣе плоскій, нежели волнообразный характеръ.

Очень сходный съ Ишимскою степью рельефъ имѣетъ и лежащая къ востоку отъ нея Барабинская степь, охватывающая въ Тобольской губерніи восточную половину Тюкалинскаго округа и въ Томской—юго-западную половину Каинскаго округа. И здѣсь горизонтальная поверхность степи усѣяна съ одной стороны озерами, съ другой—продолговатыми возвышеніями—„гривами“ или „островами“; и здѣсь, какъ и въ Ишимской степи, зависимость между рельефомъ и почвою такъ тѣсна, что, какъ говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей, „зная рельефъ того или другого урочища, можно

легко опредѣлить и самую почву, залегающую на урочищѣ“: на „гривахъ“ широкихъ и пологихъ залегаетъ всюду черноземъ, на „гривахъ“ узкихъ и сравнительно крутыхъ—суглинокъ; нѣкоторыя широкія „гривы“ имѣютъ отлогій сѣверный и болѣе крутой южный склонъ,—тогда на сѣверномъ склонѣ оказывается черноземъ, на южномъ — суглинокъ; что̀ касается плоскаго „междугривнаго“ пространства, то болѣе низкіе участки его представляютъ собою солонецъ, частью „бѣлый“, покрытый солянымъ налетомъ и лишенный всякой растительности, частью черный, покрытый травянистою растительностью, но тоже непригодный для культуры хлѣбовъ; на болѣе высокихъ участкахъ, ближайшихъ къ подошвамъ „гривъ“, почва — „подсолонокъ“ того-же типа, что̀ и въ Ишимской степи, удобный для культуры хлѣбныхъ растеній.

Въ отношеніи плодородія пахатныхъ земель Барабинская степь поставлена въ одинаковыя условія съ восточною окраиной Ишимской и въ худшія, нежели западная окраина этой послѣдней; въ Барабинской степи, какъ и въ восточной части Ишимской, не встрѣчается дикой вишни, характеризующей лучшія пшеничныя земли западной части Ишимской степи. Внутри самой Барабинской степи общій уровень плодородія также не представляется однообразнымъ: наименѣе плодородна сѣверная окраина Барабы, гдѣ степь постепенно переходитъ въ урманно-болотистое пространство, наиболѣе плодородна южная окраина, захватывающая часть Барнаульскаго и Бійскаго округовъ и подходящая къ предгорьямъ Алтая.

Начиная отъ восточной границы Барабинской степи и до самаго озера Байкала, охватывая восточные округа Томской губерніи и всю культурную часть Енисейской и Иркутской, тянется мѣстность, представляющаяся довольно однообразною и по общему характеру, и по почвеннымъ условіямъ. Нѣкоторую особенность представляютъ собою только южныя окраины Енисейской и Иркутской губерній — особенно Минусинскій округъ, — имѣющія степной характеръ, съ преобладаніемъ доброкачественныхъ черноземныхъ почвъ, дающихъ отличные урожаи пшеницы. Все остальное пространство представляетъ собой то, что можно обозначить названіемъ средне-сибирскаго полѣсья.

Съ южной стороны вся средняя Сибирь окаймляется, какъ извѣстно, высокими горными хребтами: Алтаемъ, Алатау и Саянами; но горныя системы этихъ хребтовъ заполняютъ собою мѣстность, почти необитаемую и совершенно не принадлежащую къ составу культурной полосы Сибири, и лишь мѣстами въ предѣлы этой полосы заходятъ послѣдніе, имѣющіе видъ небольшихъ холмиковъ, отроги горъ. Затѣмъ вся культурная часть среднесибирскаго полѣсья представляетъ собой, вообще говоря, типическую плоскую возвышенность, и встрѣчаемыя на ея поверхности значительныя неровности произошли почти исключительно отъ того, что рѣки вымыли въ ней болѣе или менѣе глубокія долины; гдѣ рѣки многоводны и русла ихъ расположены

близко другъ отъ друга, тамъ общій равнинный характеръ мѣстности совершенно маскируется: плоскихъ пространствъ почти не видно, весь рельефъ слагается изъ окаймляющихъ рѣчныя долины „уваловъ“, и мѣстность производитъ впечатлѣніе холмистой территоріи, гдѣ междурѣчные водораздѣлы кажутся какъ-бы не высокими горными хребтами; тамъ, гдѣ рѣки менѣе сближены между собой и менѣе богаты водою, тамъ плоскій характеръ мѣстности проявляется совершенно наглядно, и узкія рѣчныя долины занимаютъ лишь ничтожную часть пространства, сравнительно съ плоскими водораздѣлами. Какъ мы сейчасъ увидимъ, такой плоскій рельефъ, по связаннымъ съ нимъ почвеннымъ условіямъ, гораздо менѣе благопріятенъ для развитія и успѣха земледѣлія, нежели рельефъ болѣе волнистый.

Въ почвенномъ отношеніи характерною чертой средне-сибирскаго полѣсья, по крайней мѣрѣ его культурной части (въ тайгѣ господствуютъ связные сѣрые суглинки), представляется преобладаніе черноземныхъ и вообще темно окрашенныхъ почвъ, причемъ, въ отличіе отъ богатыхъ гумусомъ почвъ Тобольской губерніи, черноземы этой мѣстности не имѣютъ буроватой окраски, а окрашены въ совершенно черный цвѣтъ. Какъ и въ описанныхъ раньше мѣстностяхъ, характеръ почвы и здѣсь находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ рельефа: доброкачественныя почвы сухопутно-растительнаго характера расположены исключительно на участкахъ съ покатымъ рельефомъ, дающимъ свободный стокъ водѣ, и, слѣдовательно, главнымъ образомъ, по „уваламъ“, окаймляющимъ рѣчныя долины. Гдѣ „увалы“ болѣе отлоги, тамъ почва мощнѣе (6—8 и по 10 вершк.) и богаче гумусомъ (10—12%); она имѣетъ совершенно черную окраску и, сохраняя суглинистый характеръ, представляется однако довольно рыхлою; какъ по своимъ физическимъ свойствамъ, такъ и по степени изобилія питательныхъ веществъ, эта почва представляется весьма благопріятною для культуры хлѣбовъ и особенно для ржи. Гдѣ „увалы“ болѣе круты, тамъ процентъ гумуса меньше (5—6%), мощность почвы не превышаетъ 4—6 вершковъ, окраска ея вмѣсто черной становится сѣрою, самая почва гораздо связнѣе, а урожайность ея замѣтно ниже урожайности черныхъ почвъ, характеризованныхъ ранѣе. Что касается плоскихъ междурѣчныхъ плато, то здѣсь господствуютъ черныя почвы болотно-растительнаго характера: чаще встрѣчаются связныя иловато-глинистыя почвы, рѣже—рыхлыя перегнойно-торфяныя; несмотря на значительную мощность (12—16 вершк. и болѣе) и богатство перегноемъ (15—17%), почвы того и другого типа представляются мало пригодными для культуры хлѣбовъ: не говоря уже о пшеницѣ, даже рожь родится на нихъ плохо, такъ что земли съ растительно-болотными почвами засѣваются по преимуществу овсомъ.

Ясно теперь, почему волнистый рельефъ мѣстности въ средне-сибирскомъ полѣсьѣ удобнѣе для хлѣбопашества, нежели рельефъ плоскій: гдѣ преобладаютъ склоны, тамъ господствуютъ доброкачественныя черныя и

сѣрыя почвы, такъ что въ мѣстностяхъ, по всѣмъ направленіямъ изрытыхъ рѣками и рѣчками, чуть не вся территорія нерѣдко бываетъ занята пашнями съ хорошею черноземною почвой; гдѣ преобладаютъ плоскія плато, тамъ доброкачественныя почвы занимаютъ лишь узенькія полоски, окаймляющія берега рѣкъ, а господствуютъ частью вовсе неудобныя для культуры мокрыя земли, частью пашни съ плохою, болотно-растительною почвой.

На этомъ можно закончить очеркъ почвенныхъ условій земледѣльческой полосы коренной Сибири; въ заключеніе надо сказать еще нѣсколько словъ о почвенныхъ условіяхъ одной изъ окраинъ Сибири, относительно которой имѣются болѣе точныя свѣдѣнія,— а именно Приамурья.

Тѣ три участка, на которые выше распредѣлено Приамурье въ предъидущемъ изложеніи, рѣзко различаются и въ почвенномъ отношеніи. Выше устья Зеи и ниже устья Буреи преобладаютъ залегающія на каменныхъ коренныхъ породахъ темно-бурыя глинистыя почвы, мѣстами прикрытыя тонкимъ дерновымъ слоемъ перегноя, а мѣстами совершенно лишенныя перегнойной окраски; только въ поймѣ рѣки Амура глинистыя почвы уступаютъ мѣсто крупнозернистымъ песчанымъ, гораздо менѣе плодороднымъ почвамъ, а въ густыхъ лѣсахъ—подзолистой почвѣ, имѣющей въ верхнемъ горизонтѣ блѣдно-сѣрую, въ нижнемъ—бѣлесоватую окраску. На пространствѣ, заключенномъ между долинами Зеи и Буреи, вся площадь, какъ констатируетъ профессоръ Коржинскій, „сложена изъ песчанистыхъ глинъ, довольно вязкихъ въ верхнемъ горизонтѣ. Онѣ покрыты слоемъ темной перегнойной почвы, имѣющей на пологихъ увалахъ 4—6 вершковъ, а на низинахъ до $1^1/_2$ аршинъ мощности“. На сухихъ возвышенныхъ мѣстахъ эта почва по своимъ физическимъ свойствамъ и структурѣ напоминаетъ русскій черноземъ, въ болѣе же низкихъ мѣстахъ она явно полу-болотнаго происхожденія, напоминая во всѣхъ отношеніяхъ черныя болотно-растительныя почвы Западной Сибири и не имѣя ни по своему происхожденію, ни по хозяйственному значенію ничего общаго съ настоящимъ черноземомъ.

При томъ чрезвычайномъ разнообразіи климатическихъ и почвенныхъ условій и населенности, которое было очерчено на предъидущихъ страницахъ, нельзя было-бы и ожидать встрѣтить въ Сибири какихъ-либо однообразныхъ хозяйственныхъ порядковъ и въ особенности — однообразной системы полеводства. И дѣйствительно, системы и типы полеводства и сѣвообороты въ Сибири представляются очень разнообразными.

Въ тѣхъ изъ сибирскихъ губерній, которыя содержатъ въ себѣ главную массу земледѣльческаго населенія и удобныхъ для сельско-хозяйственной культуры земель—Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской, въ Забайкальской области, а также въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ Акмолинской и отчасти Семипалатинской областей всецѣло господствуетъ своеобразная, не-

извѣстная въ Европейской Россіи система полеводства, которой усвоено названіе залежно-паровой системы: земледѣліе при этой системѣ основывается исключительно на эксплуатаціи естественныхъ производительныхъ силъ земли, не поддерживаемыхъ никакими удобреніями, а возстановляемыхъ комбинированнымъ дѣйствіемъ двухъ средствъ: запусканія земли въ залежь и чередованія посѣвовъ съ паромъ. Земля—все равно, расчищенная-ли изъ подъ лѣса, или распаханная на открытой степи—два или три года подрядъ засѣвается хлѣбомъ, затѣмъ на годъ оставляется подъ паръ; послѣ этого она одинъ или два года засѣвается хлѣбомъ и затѣмъ опять идетъ подъ паръ,— и такое чередованіе хлѣба и пара продолжается до тѣхъ поръ, пока сильное паденіе урожайности и заростаніе сорными травами не заставитъ бросить землю въ залежь и взамѣнъ ея распахать другую. Въ залежи земля лежитъ до тѣхъ поръ, пока опредѣленные, отлично извѣстные крестьянамъ, признаки не покажутъ, что производительность ея успѣла достаточно возстановиться; тогда она опять распахивается и тотъ-же процессъ продѣлывается съ самаго начала. При этомъ, въ видѣ общаго правила, можно сказать, что въ началѣ періода обработки и на парахъ сѣются болѣе притязательные хлѣба—пшеница, озимая и яровая рожь, въ концѣ этого періода и на паровыхъ жнивахъ—такіе хлѣба, какъ ячмень и овесъ; далѣе, что въ началѣ періода обработки земля оставляется подъ паръ рѣже, въ концѣ его—чаще: въ началѣ парятъ землю послѣ каждыхъ двухъ хлѣбовъ, въ концѣ—послѣ каждаго снятаго хлѣба; наконецъ—что самая продолжительность періодовъ обработки для свѣжераспаханныхъ земель, никогда не бывавшихъ подъ культурой, бываетъ обыкновенно больше, нежели для земель пахавшихся ранѣе и вновь поднятыхъ послѣ продолжительнаго отдыха, такъ какъ отдыхъ рѣдко вполнѣ возстановляетъ плодородіе земли.

Такова общая характеристика залежно-паровой системы полеводства. Что̀ касается до ея разновидностей, то онѣ чрезвычайно разнообразны; сибирское хозяйство отличается полнымъ отсутствіемъ всякаго шаблона: не только каждая волость или община, — каждый хозяинъ самостоятельно устанавливаетъ сѣвооборотъ для каждаго состоящаго въ его пользованіи клочка земли, примѣняясь къ его почвѣ и мѣстоположенію, къ климату и условіямъ сбыта, наконецъ, къ собственной хозяйственной состоятельности. При этомъ число снимаемыхъ съ пашни въ теченіе періода обработки хлѣбовъ колеблется между 3—4 для тощихъ подзоловъ и 25—30 для лучшаго чернозема, а есть и такія земли (особенно въ южной части Тобольской губерніи), которыя пашутся болѣе 100 лѣтъ и еще никогда не отдыхали; далѣе, продолжительность времени отдыха залежей колеблется между 5—10 и 25—30 годами, въ зависимости, съ одной стороны, отъ почвенныхъ условій, съ другой—отъ степени истощенія, до которой земля доведена предъидущими посѣвами. Въ однихъ мѣстахъ и на однихъ земляхъ, при этомъ посѣвъ на паровыхъ жнивахъ составляетъ нормальное явленіе, такъ что сѣвооборотъ приближается

къ залежно-трехпольному типу, въ другихъ мѣстахъ и на другихъ земляхъ такіе посѣвы составляютъ исключеніе или вовсе не производятся, земля парится подъ каждый хлѣбъ и сѣвооборотъ приближается къ типу залежно-двухпольному, и т. п. Что касается преобладающихъ хлѣбовъ, то въ каждой мѣстности на лучшихъ земляхъ преобладаютъ болѣе притязательные, на худшихъ — болѣе грубые хлѣба. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣлыя мѣстности характеризуются преобладаніемъ то однихъ, то другихъ хлѣбовъ: такъ, на прекрасномъ песчаномъ черноземѣ степей юго-западной части Тобольской губерніи и земледѣльческихъ мѣстностей Акмолинской области, а также въ Алтайскомъ горномъ округѣ и въ южной части Енисейской губерніи, преобладаетъ пшеница, занимающая мѣстами до половины всей засѣянной площади и болѣе; въ средней земледѣльческой части Тобольской губерніи, отличающейся преобладаніемъ подзолистыхъ почвъ, господствуютъ ячмень и яровая рожь; на всемъ протяженіи отъ Томска до Иркутска лѣса и рыхлыя черноземныя почвы благопріятствуютъ преобладанію озимой ржи, которая только на обезлѣсенныхъ мѣстахъ уступаетъ мѣсто яровой ржи; вдоль всей линіи Сибирскаго тракта наибольшія площади засѣваются овсомъ, который имѣетъ здѣсь вѣрный и выгодный сбытъ. Кромѣ перечисленныхъ хлѣбныхъ растеній, мѣстами сѣютъ еще просо, гречиху, горохъ, картофель, а изъ промышленныхъ растеній почти вездѣ сѣется ленъ, въ мѣстностяхъ съ черноземной почвой—конопля, а на Алтаѣ, кромѣ того, и подсолнухъ.

Система полеводства, господствующая въ Сибири, представляетъ разнообразнѣйшія видоизмѣненія не только въ пространствѣ, но и во времени: по мѣрѣ сгущенія населенія и сокращенія земельнаго простора, постепенно уменьшаются сроки отдыха земли въ залежи и увеличивается продолжительность періодовъ обработки; быстро прогрессирующее, благодаря этому, истощеніе земли стараются задержать учащенною паровой обработкой—постепенно переходятъ, слѣдовательно, отъ залежно-трехпольнаго къ залежно-двухпольному сѣвообороту; въ то-же время истощеніе земли дѣлаетъ ее все менѣе способною давать удовлетворительные урожаи болѣе цѣнныхъ хлѣбовъ и заставляетъ замѣнять ихъ болѣе грубыми: пшеница, а гдѣ сильно вырублены лѣса и озимая рожь вытѣсняются яровою рожью, эта послѣдняя — ячменемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ пониженіе урожаевъ приводитъ населеніе мало по малу къ убѣжденію въ невозможности, при измѣнившихся условіяхъ, вести хозяйство по старому и въ необходимости перейти къ новымъ хозяйственнымъ порядкамъ — къ хозяйству съ удобреніемъ. Часть населенія, однако, не хочетъ примириться съ этою необходимостью и предпочитаетъ уйти на „новыя мѣста“, гдѣ земли еще много и гдѣ свѣжесть ея позволяетъ вести хозяйство привычнымъ залежнымъ способомъ. Другая, бо̀льшая часть, остается на мѣстѣ и продолжаетъ, несмотря ни на что, вести хозяйство по старому; наконецъ, болѣе энергичное меньшинство начинаетъ понемногу переходить къ хозяйству съ удобреніемъ. Сначала единичные, несмѣлые и нерѣдко неудачные

опыты удобренія земли все болѣе и болѣе находятъ подражателей, и мало по малу хозяйство съ удобреніемъ изъ рѣдкаго исключенія становится общимъ правиломъ.

Нѣкоторыя мѣстности Сибири,—главнымъ образомъ, сѣверная окраина земледѣльческой полосы Тобольской губерніи (Туринскій округъ и средняя часть Тобольскаго), — уже пережили такой критическій періодъ: въ этихъ мѣстностяхъ—мѣстами по отношенію ко всѣмъ распахиваемымъ землямъ, мѣстами только по отношенію къ ближайшимъ отъ усадебъ,—прочно водворилось хозяйство съ удобреніемъ, и именно трехпольное хозяйство въ томъ самомъ его видѣ, въ какомъ оно издавна существуетъ въ центральныхъ губерніяхъ Европейской Россіи, т. е. съ преобладаніемъ ржи въ озимомъ полѣ, овса и ячменя въ яровомъ, и съ зеленымъ, ничѣмъ не занятымъ паромъ. Что̀ касается самого удобренія, то интензивность его весьма различна, въ зависимости отъ отношенія количества сѣнокосовъ къ количеству пахатныхъ земель: въ сравнительно южныхъ мѣстностяхъ, гдѣ пашенъ довольно много, а луговъ мало, унаваживается часть—отъ $^1/_6$ до $^1/_2$—пароваго поля; дальше къ сѣверу, гдѣ пахатной земли очень мало, а луговъ много, унаваживается все паровое поле, и за то, не смотря на сравнительно неблагопріятныя природныя условія, получаются бо̀льшіе и, что̀ особенно важно, болѣе постоянные урожаи, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Сибири. Наконецъ, еще дальше къ сѣверу, вблизи 60 параллели, у самой сѣверной границы земледѣлія, даже сильное удобреніе не даетъ возможности вести трехпольное хозяйство, послѣднее ведется здѣсь по двухпольной системѣ, съ преобладаніемъ на лучшихъ земляхъ озимой ржи, на остальныхъ—ячменя; при сильномъ удобреніи земледѣліе и здѣсь даетъ отличные результаты, но не можетъ достигнуть значительнаго развитія, вслѣдствіе крайней ограниченности количества удобныхъ для посѣва хлѣбовъ земель.

Обработка пахатныхъ земель въ Сибири представляется, вообще говоря, весьма удовлетворительною — далеко лучшею, нежели въ крестьянскихъ хозяйствахъ центральной Россіи. Такое преимущество сибирскаго крестьянскаго хозяйства обусловливается, главнымъ образомъ, изобиліемъ въ Сибири рабочаго скота, возможнымъ благодаря богатству страны покосами и выгонами, а затѣмъ — и сравнительно хорошимъ устройствомъ употребляемыхъ здѣсь земледѣльческихъ орудій.

Орудія, употребляемыя въ Сибири для пахоты, — сохи, носятъ здѣсь разнообразныя названія: колесянки, сабана, рогалюхи, просто сохи и пр., но основанія устройства ихъ вездѣ одинаковы: широкій треугольный сошникъ (чаще составной изъ двухъ половинъ), котораго лѣвый уголъ загнутъ впередъ и играетъ роль отрѣза, деревянный отвалъ, подъемный винтъ или система клиньевъ, регулирующая глубину пахоты — таковы главнѣйшія составныя части корпуса сибирской сохи. Работа послѣдней не имѣетъ никакого сходства съ работой сохи великороссійской и очень похожа на работу плуга; глубина пахоты можетъ быть доведена до 4—5 и даже 6 вершковъ,

ширина пласта—тоже до 6 вершковъ; пластъ отрѣзывается очень чисто, и поле, вспаханное сибирскою сохой, на видъ почти не отличается отъ вспаханнаго плугомъ. Въ районахъ наибольшаго развитія земледѣлія соха прикрѣпляется къ двухколесному передку и запрягается парой или тройкой лошадей; въ мѣстностяхъ, лежащихъ вблизи сѣверной границы земледѣлія, оглобли прикрѣпляются непосредственно къ разсохѣ и соха запрягается въ одну лошадь. Бороны, употребляемыя въ Сибири, принадлежатъ къ типу полутяжелыхъ: онѣ состоятъ изъ деревянной рамы съ желѣзными зубьями, числомъ обыкновенно отъ 16 до 20; въ чисто земледѣльческой полосѣ Сибири средніе хозяева боронятъ въ 3—4 бороны, а зажиточные пускаютъ одну за другой и до шести боронъ; на сѣверѣ, гдѣ полосы не велики, боронятъ чаще въ одну борону, но за то бороны здѣсь имѣютъ гораздо большее число зубьевъ. Остальныя орудія—серпы, косы простыя и съ граблями (для уборки хлѣба), цѣпы для молотьбы, лопаты для вѣянія—не представляютъ никакихъ отличій отъ употребляемыхъ въ Европейской Россіи. Что̀ касается машинъ, то до недавняго времени ихъ въ Сибири вовсе не употребляли; только въ послѣднее время на Алтаѣ и въ мѣстностяхъ, лежащихъ къ востоку отъ Томска, получили значительное распространеніе маленькія ручныя вѣялки системы Гранта, а у зажиточныхъ крестьянъ стали появляться и конныя молотилки.

Главная цѣль, которую ставитъ себѣ сибирскій крестьянинъ, подготовляя землю къ посѣву, это—борьба съ сорными травами, которыя при свѣжести почвъ и богатствѣ ихъ органическими веществами растутъ въ большомъ изобиліи и являются одними изъ опаснѣйшихъ враговъ хлѣбныхъ посѣвовъ; другая задача—приведеніе земли въ надлежащую степень разрыхленія—въ сознаніи сибирскаго крестьянина отступаетъ на задній планъ передъ задачей истребленія сорныхъ травъ. Степенью изобилія этихъ послѣднихъ, главнымъ образомъ, опредѣляется въ каждомъ данномъ случаѣ бо̀льшая или меньшая интензивность пахоты и бороньбы, время этихъ работъ и самого посѣва и масса другихъ, менѣе существенныхъ деталей.

Нормальный типъ обработки пара въ Сибири—это двукратная пахота съ бороньбой послѣ первой вспашки. Всѣ эти работы производятся въ промежуткѣ времени съ начала іюня до конца іюля; лишняя, третья вспашка прибавляется при обиліи сорныхъ травъ или плотной почвѣ, особенно, если послѣдняя замыта снѣговою водой и грозитъ покрыться непроницаемою твердою коркой; на такихъ плотныхъ, глинистыхъ почвахъ третья вспашка пара производится весной, на рыхлыхъ—позднею осенью. Паровыя жнива вспахиваются всего одинъ разъ, обыкновенно весною, и лишь изрѣдка, на очень рыхлыхъ почвахъ, осенью; передъ вспашкой оставшееся жнивье выжигается и зола служитъ для земли нѣкоторымъ удобреніемъ. Посѣвъ озимаго хлѣба начинается съ самыхъ послѣднихъ чиселъ іюля и по возможности заканчивается къ серединѣ августа, хотя у бѣдняковъ нерѣдко затягивается и до начала сентября. Яровые хлѣба въ южныхъ мѣстностяхъ земледѣльческой

Сибири начинаютъ сѣять въ концѣ апрѣля, на сѣверныхъ окраинахъ—въ началѣ мая, причемъ раньше всего сѣютъ пшеницу, позже всего—овесъ и особенно ячмень. Время посѣва имѣетъ при сибирскихъ климатическихъ условіяхъ очень большое значеніе: при слишкомъ раннемъ посѣвѣ хлѣбъ страдаетъ отъ весеннихъ заморозковъ, при позднемъ—отъ сорныхъ травъ и осеннихъ инеевъ; день разницы во времени посѣва обусловливаетъ собой нерѣдко удачный или неудачный урожай.

Разъ засѣянная пашня не подвергается затѣмъ никакому уходу; только яровые всходы, главнымъ образомъ пшеницу и яровую рожь, очень часто приходится полоть, такъ какъ ни пахота, ни бороньба нерѣдко не могутъ задержать роста сорныхъ травъ. Уборка озимаго хлѣба начинается обыкновенно съ конца іюля, ярового—съ начала августа; уборка всѣхъ хлѣбовъ заканчивается при нормальныхъ условіяхъ къ началу сентября, но при неблагопріятной погодѣ нерѣдко затягивается и гораздо дольше—иногда до начала октября. Сжатый или скошенный хлѣбъ по просушкѣ складывается на полѣ въ клади и уже зимой, на саняхъ, перевозится въ усадьбы, или на займки, сушится огнемъ въ овинахъ или ригахъ, молотится и вѣется; затѣмъ зерно, предназначенное для посѣва, подвергается еще дополнительной очисткѣ помощью особыхъ снарядовъ—такъ называемыхъ подсѣвахъ (вращающійся на горизонтальной оси цилиндръ изъ листоваго желѣза съ отверстіями разныхъ величинъ); предназначенное въ пищу или на продажу не подвергается послѣ вѣянія никакой дальнѣйшей обработкѣ.

По вопросу о стоимости производства хлѣбовъ, нѣтъ возможности, въ виду значительнаго разнообразія высоты и рѣзкихъ колебаній заработной платы, привести какихъ-либо данныхъ, которыя имѣли-бы общій для всей Сибири или хотя-бы только для ея земледѣльческой области характеръ. Стоимость отдѣльныхъ работъ и всей совокупности операцій по производству хлѣба по разсчету какъ на десятину посѣва, такъ и на пудъ хлѣба въ разныхъ мѣстностяхъ представляетъ довольно широкія колебанія, о которыхъ могутъ дать понятіе нижеслѣдующія цифры, показывающія стоимость въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ земледѣльческой Сибири важнѣйшихъ работъ по культурѣ хлѣбовъ:

НА ДЕСЯТИНУ:	Въ южной части Тобольской губ.		Въ средней части Томской губерніи.	Въ земледѣльческихъ округахъ Иркутской губерніи.
	Лучшія мѣстности.	Худшія мѣстности.		
	Р У Б Л Е Й.			
Стоимость одной вспашки	2,00	1,25	2,00	2,00
» » бороньбы.	1,20	0,75	1,00	1,00
» жатвы . . при среднемъ урожаѣ.	7,50	3,75	7,00	6,00-10,00
» молотьбы. . при среднемъ урожаѣ.	4,50	2,00	4,00	4,00

Полная стоимость обработки десятины земли вмѣстѣ съ уборкой хлѣба и очисткой зерна выразится для тѣхъ-же мѣстностей въ слѣдующихъ цифрахъ:

		для посѣвовъ на паровой землѣ.	для посѣвовъ на паровыхъ жнивахъ.
въ лучшихъ мѣстностяхъ..	южной части Тобольской губерніи	23—27 р.	14—18 р.
„ худшихъ „ ..		15—20 р.	8— 9 р.
„ средней части Томской губерніи		22—27 р.	13—15 р.
„ Иркутской губерніи		25—27 р.	14 р.

Такимъ образомъ 22—25 руб. для десятины ярового хлѣба, посѣяннаго на парахъ, и 12—15 руб. для десятины парового жнива,—такова приблизительная средняя норма, около которой колеблется полная стоимость производства хлѣбовъ въ земледѣльческой Сибири,—и въ частности въ тѣхъ ея мѣстностяхъ, гдѣ хозяйство ведется по залежно-паровой системѣ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ Тобольской губерніи, гдѣ уже совершился переходъ къ хозяйству съ удобреніемъ и обязательнымъ трехпольнымъ или двухпольнымъ сѣвооборотомъ, общая стоимость работъ на десятину опредѣлится такъ:

въ трехпольной области съ удобреніемъ части парового поля	32—34 р.	на трехпольный кругъ (2 хлѣба)
„ „ съ удобреніемъ всего парового поля	43 р.	
въ трехпольной области	19—20 р.	на каждый хлѣбъ.

Прежде нежели перейти къ вопросу объ урожаяхъ хлѣбовъ, необходимо предварительно сказать нѣсколько словъ о густотѣ посѣва. И здѣсь, какъ и въ предъидущемъ, нельзя привести какихъ-либо цифръ, которыя имѣли-бы общее значеніе для цѣлой Сибири; густота посѣва на десятину въ разныхъ мѣстностяхъ колеблется:

для озимой ржи	между 6— 7 и 14—16	четвериками
„ яровой „	„ 5— 7 и 11—12	„
„ „ пшеницы	„ 6— 8 и 14—16	„
„ овса	„ 12—16 и 28—32	„
„ ячменя	„ 8—12 и 20—24	„

Но низшія изъ приведенныхъ здѣсь цифръ встрѣчаются нынѣ уже очень рѣдко—только на свѣже-расчищенныхъ, очень плодородныхъ земляхъ; высшія относятся исключительно къ сѣверной окраинѣ земледѣлія — къ мѣстностямъ съ двухпольнымъ хозяйствомъ, а также съ трехпольнымъ при удобреніи всего пара. Для области наибольшаго развитія земледѣлія пре-

дѣлы колебаній будутъ гораздо менѣе широки; на десятину обыкновенно высѣваютъ:

ржи озимой и яровой.....	отъ 8 до 10	четвериковъ
пшеницы.....	„ 10 до 12	„
ячменя	„ 12 до 14	„
овса.....	„ 16 до 20	„

Посѣвъ производится тѣмъ рѣже, чѣмъ южнѣе мѣстность, чѣмъ лучше и свѣжѣе почва, чѣмъ раньше засѣвается данная пашня, — и тѣмъ гуще, чѣмъ дальше къ сѣверу, чѣмъ болѣе земля истощена и чѣмъ она бѣднѣе органическими веществами и т. д.; ошибка въ густотѣ посѣва грозитъ хозяину весьма печальными послѣдствіями: если посѣвъ сдѣланъ слишкомъ рѣдко, всходамъ угрожаетъ опасность отъ сорныхъ травъ; если слишкомъ густо,— то при тучной почвѣ и влажной погодѣ хлѣбъ легко можетъ перегуститься и не дать хорошаго налива.

Сильная измѣнчивость урожаевъ, рѣзкія колебанія ихъ отъ весьма высокихъ цифръ до нуля являются важнѣйшею характерною чертою сибирскаго земледѣльческаго хозяйства. Исключеніе составляютъ только мѣстности, лежащія вблизи сѣверной границы земледѣлія,—тѣ мѣстности, гдѣ уже совершился переходъ къ удобренію и къ трехпольному (или двухпольному) хозяйству. Благодаря вліянію удобренія и утолачиванья парового поля скотомъ, а также благопріятныхъ естественныхъ условій (отсутствія засухъ и градобитій и т. п.), полныхъ неурожаевъ здѣсь почти не бываетъ, да и вообще очень плохіе урожаи случаются рѣдко. Не часто поднимаясь очень высоко, урожаи обыкновенно держатся близко къ средней нормѣ, которая здѣсь тоже представляется очень благопріятною: въ мѣстностяхъ, гдѣ удобряется часть парового поля, средній урожай ржи колеблется между 70 и 80 пудами съ десятины и лишь на самыхъ плохихъ почвахъ падая до 60 пудовъ; около того-же уровня колеблются урожаи для овса и ячменя; дальше къ сѣверу, гдѣ удобряется все паровое поле, рожь даетъ въ среднемъ 80, овесъ и ячмень—отъ 90—до 100 пудовъ съ десятины; въ районѣ двухпольнаго хозяйства урожаи ржи также колеблются около 70 — 80 пудовъ, но яровой хлѣбъ даетъ значительно больше: овесъ даетъ въ среднемъ 110—120, ячмень—100 или 110 пудовъ съ десятины. Благодаря такой высокой урожайности населеніе нѣкоторыхъ мѣстностей Тобольской губерніи, лежащихъ вблизи самой сѣверной границы хлѣбопашества, продовольствуется, не смотря на ничтожный размѣръ запашекъ, собственнымъ хлѣбомъ.

Совсѣмъ другое въ мѣстностяхъ, гдѣ еще господствуетъ залежное хозяйство. Среднія цифры урожайности и здѣсь представляются довольно, а мѣстами и очень благопріятными; такъ, среднія цифры урожаевъ пшеницы колеблются въ намѣченныхъ выше пшеничныхъ районахъ между 60 и 80 пудами, и только въ мѣстностяхъ, гдѣ пшеница доходитъ до край-

нихъ сѣверныхъ предѣловъ своего распространенія или встрѣчаетъ неблагопріятныя почвенныя условія, падаютъ до 50, 40 пудовъ и ниже. Озимая рожь въ мѣстностяхъ, изобилующихъ лѣсомъ и имѣющихъ подходящія почвы, даетъ въ среднемъ тоже отъ 60 до 80, иногда и до 90 пудовъ съ десятины, и только на самыхъ плохихъ почвахъ средній урожай ея опускается до 40—50 пудовъ; въ тѣхъ-же предѣлахъ колеблется и средняя цифра урожая яровой ржи въ мѣстностяхъ ея наибольшаго распространенія. Что̀ касается овса, то по отношенію къ нему надо отличать двѣ цифры средняго урожая: при посѣвѣ на парахъ и при посѣвѣ на жнивахъ; въ первомъ случаѣ овесъ даже на сравнительно плохихъ земляхъ даетъ въ среднемъ не менѣе 80—100 пудовъ съ десятины; при посѣвѣ на жнивѣ до этой средней нормы не доходятъ и лучшія земли, плохія же даютъ не болѣе 40 — 50 пудовъ съ десятины. Наконецъ, ячмень въ области залежнаго хозяйства сѣется только на плохихъ и истощенныхъ земляхъ, гдѣ даетъ лучшіе урожаи, нежели какой-либо другой изъ пищевыхъ хлѣбовъ: гдѣ рожь вовсе не родится или даетъ какіе-нибудь 30—40 пудовъ съ десятины, тамъ ячмень, при среднемъ урожаѣ, все-же дастъ пудовъ 50 или 60.

Но приведенныя цифры далеко не могутъ служить основаніемъ для правильныхъ заключеній относительно экономическаго положенія сибирскаго земледѣльца. Крайне рѣзкія и широкія колебанія отнимаютъ у этихъ среднихъ цифръ почти всякое значеніе. Верхніе предѣлы этихъ колебаній представляются чрезвычайно высокими: 180, 200, 240 пудовъ пшеницы, 180 — 200 пудовъ ржи, 200 — 250 пудовъ ячменя, 250 — 300 и до 350 пудовъ овса съ десятины, — такіе урожаи, безъ ирригаціи или удобренія, возбуждали удивленіе путешественниковъ и создали Сибири репутацію страны баснословнаго плодородія. Но такіе урожаи случаются разъ въ нѣсколько десятковъ лѣтъ, да и то только на лучшихъ по почвеннымъ условіямъ и по свѣжести земляхъ. Конечно, и гораздо меньшій урожай — 100 или 120 пудовъ пшеницы или ржи, 150 — 180 пудовъ овса и т. п. — и тотъ достаточенъ, чтобы обогатить земледѣльца; такіе урожаи прежде случались довольно часто, и они-то и создали высокое благосостояніе сибирскаго крестьянина-земледѣльца. Въ послѣднія десятилѣтія нерѣдко бывали болѣе или менѣе полные неурожаи. Это справедливо, впрочемъ, только по отношенію къ яровымъ хлѣбамъ; урожаи озимой ржи въ удобныхъ для нея мѣстахъ никогда не падаютъ до нуля (полный неурожай бываетъ только на отдѣльныхъ полосахъ), и потому дурные урожаи въ лѣсистомъ ржаномъ районѣ, лежащемъ къ востоку отъ Томска, никогда не ставятъ населеніе въ такое трудное положеніе, какъ въ области распространенія яровыхъ хлѣбовъ и особенно—въ пшеничныхъ степяхъ: здѣсь случаются полные неурожаи, а очень плохіе урожаи нерѣдко слѣдуютъ одинъ за другимъ по 3—4 года подрядъ.

Главными причинами неурожаевъ въ этихъ степныхъ мѣстностяхъ

являются засуха и кобылка *); въ лѣсныхъ мѣстностяхъ эти причины уступаютъ мѣсто вреднымъ послѣдствіямъ неблагопріятныхъ зимъ, гибельно дѣйствующимъ на озими, но эти обстоятельства никогда не имѣютъ здѣсь такого общаго характера, какъ засухи въ степныхъ мѣстностяхъ. Не менѣе существенными причинами неурожаевъ, дѣйствующими одинаково и въ лѣсахъ, и въ степяхъ, являются весенніе заморозки и осенніе инеи, изъ которыхъ первые повреждаютъ хлѣбъ на всходахъ, вторые—во время налива. Смотря по почвѣ, мѣстоположенію и времени посѣва, инеи и заморозки иногда губятъ хлѣбъ безъ остатка, иногда уничтожаютъ или портятъ только часть урожая; вліяніе инеевъ и заморозковъ различно въ разныхъ мѣстностяхъ: мѣстами они повреждаютъ хлѣба разъ въ нѣсколько лѣтъ, мѣстами—гораздо чаще, а есть и такія мѣстности (напр. въ Томской губ., къ сѣверо-востоку отъ Томска), гдѣ яровые хлѣба померзаютъ каждый годъ: овесъ въ такихъ мѣстахъ сѣется на солому и кормъ, на сѣмена же всегда покупается на сторонѣ. Далѣе, надо указать на туманы и въ особенности на появленіе микроскопическихъ грибковъ (головни, росы, медянки и спорыньи). Далѣе, неурожаи бываютъ слѣдствіемъ и чрезмѣрно продолжительныхъ дождей, не дающихъ хлѣбу созрѣть и затрудняющихъ уборку, градобитій и т. п.

Выше было указано на то, что въ мѣстностяхъ, входящихъ въ составъ залежной полосы, земледѣліе является если не единственнымъ, то во всякомъ случаѣ существеннымъ источникомъ благосостоянія населенія, а продажа избытка его продуктовъ — главнымъ источникомъ денежнаго дохода. Излишки хлѣба находятъ себѣ сбытъ въ разнообразныхъ направленіяхъ: пшеница съ Алтая, изъ степныхъ областей и изъ южной части Тобольской губерніи идетъ, частью въ сыромъ видѣ, частью переработанная въ крупчатку, на западъ — въ Европейскую Россію; весь избыточный овесъ потребляется главнымъ сибирскимъ трактомъ; то-же трактовое движеніе поглощаетъ и значительную часть производимыхъ въ окрестностяхъ тракта пищевыхъ хлѣбовъ; значительная часть избытковъ хлѣба изъ земледѣльческаго района идетъ, далѣе, на продовольствіе населенія неземледѣльческихъ окраинъ Сибири или закупается управленіями золотыхъ пріисковъ для продовольствія пріисковыхъ рабочихъ; наконецъ, огромная масса хлѣба идетъ на винокуренные заводы и перегоняется въ спиртъ. Всѣ эти виды сбыта хлѣба, при всемъ ихъ видимомъ разнообразіи, имѣютъ одну общую черту: всѣ они одинаково при хорошихъ урожаяхъ поглощаютъ избыточный хлѣбъ, и нѣ возвращаютъ его обратно при дурныхъ урожаяхъ; въ Сибири пока еще нѣтъ правильной мѣстной хлѣбной торговли, которая уравнивала-бы во времени избытокъ и недоста-

*) Насѣкомое изъ отряда прямокрылыхъ, сходное съ саранчею и принадлежащее къ нѣсколькимъ видамъ кузнечиковъ.

токъ хлѣба и служила-бы регуляторомъ хлѣбныхъ цѣнъ. Нѣтъ такого уравнителя и для колебаній урожаевъ и цѣнъ въ пространствѣ: благодаря громадности сибирскихъ разстояній и недостаточности путей сообщенія, хлѣбъ, родившійся въ избыткѣ, напримѣръ, въ Енисейской и даже Томской губерніи, не можетъ пополнить недостачу хлѣба въ Тобольской: стоимость провоза была-бы слишкомъ велика, и потому крайняя нужда въ хлѣбѣ въ одной губерніи можетъ существовать одновременно съ крайнимъ избыткомъ его въ другой. Если къ этому прибавить полное отсутствіе въ Сибири организованнаго кредита вообще и хлѣбнаго въ частности, если принять въ соображеніе, что главнѣйшіе денежные расходы крестьянинъ производитъ осенью, когда хлѣбъ дешевъ, а при недостачѣ хлѣба покупаетъ его весной, когда онъ дорогъ; если слѣдовательно, принять, во вниманіе, что крестьянину приходится бросать на рынокъ тѣмъ больше хлѣба, чѣмъ хлѣбъ дешевле, и тѣмъ больше покупать хлѣба, чѣмъ онъ дороже,—то изъ всего изложеннаго, какъ необходимый выводъ, получится дальнѣйшая характерная черта сибирскаго земледѣльческаго хозяйства—чрезвычайное непостоянство хлѣбныхъ цѣнъ, поднимающихся при неурожаяхъ выше, чѣмъ гдѣ-бы то ни было въ Европейской Россіи, и падающихъ при хорошихъ урожаяхъ до крайне низкаго уровня.

Въ сдѣланномъ на предъидущихъ страницахъ очеркѣ положенія земледѣльческаго производства имѣлась въ виду, главнымъ образомъ, коренная Сибирь, именно четыре сибирскія губерніи, и прилегающія къ нимъ съ востока области—Якутская и Забайкальская. Изъ этихъ двухъ областей первая, поскольку въ ней существуютъ зачатки земледѣлія, представляетъ полное сходство съ частями Тобольской губерніи, прилегающими къ сѣверной границѣ хлѣбопашества; Забайкальская область, за ничтожными различіями, обусловливаемыми ея болѣе степнымъ характеромъ и лучшимъ климатомъ, подходитъ къ условіямъ смежной съ нею Иркутской губерніи. Не требуютъ особаго очерка и условія земледѣлія въ тѣхъ уѣздахъ Акмолинской и Семипалатинской областей, гдѣ хлѣбопашество ведется безъ искусственнаго орошенія: эти условія представляютъ полное сходство съ условіями пшеничныхъ мѣстностей сибирскихъ губерній, съ тою только разницей, что земли здѣсь свѣжѣе, а потому урожайность ихъ выше и неурожаи случаются рѣже.

Для полной характеристики земледѣлія, необходимо, однако, сказать еще нѣсколько словъ о положеніи его въ мѣстностяхъ, гдѣ оно поставлено въ условія, совершенно отличныя отъ очерченныхъ выше — въ Зайсанскомъ уѣздѣ Семипалатинской области и въ Семирѣчьѣ, а также въ Амурско-Уссурійскомъ краѣ.

И въ Зайсанскомъ уѣздѣ, и въ Семирѣченской области, земледѣліе, какъ было указано выше, возможно только при условіи искусственнаго орошенія. Пашни прорѣзаны здѣсь большими оросительными канавами,

арыками, отъ которыхъ сохою, во время пахоты, проводятся во всѣ стороны малыя канавки, равномѣрно распредѣляющія влагу по всему полю. Въ Зайсанскомъ уѣздѣ поливныя пашни иногда еще и удобряются, а самая поливка производится въ первый разъ передъ пахотой, а затѣмъ во время роста хлѣба, смотря по погодѣ, еще отъ двухъ до четырехъ разъ: обыкновенно въ первый разъ поливаютъ всходы черезъ 30 сутокъ послѣ посѣва, во второй—чрезъ 15 сутокъ послѣ перваго и въ третій—чрезъ 40 сутокъ послѣ втораго. Послѣ восьми хлѣбовъ поле требуетъ либо трехлѣтняго отдыха, либо удобренія; въ теченіе же восьмилѣтняго періода оно засѣвается непрерывно однимъ и тѣмъ-же хлѣбомъ — пшеницей, рожью, просомъ, овсомъ и т. д.; плодосмѣнъ и даже простая смѣна хлѣбовъ здѣсь не практикуются, потому что отъ опадающихъ при уборкѣ сѣмянъ родится хлѣбъ—„падаликъ“, который засорилъ-бы всходы посѣяннаго хлѣба. Въ Семирѣченской области поливная земля, вслѣдствіе теплаго климата, даетъ по два урожая въ годъ: озимое поле, засѣянное пшеницею и ячменемъ, поспѣваетъ въ концѣ мая, и по уборкѣ засѣвается вторыми посѣвами: „машемъ“ (мелкій горошекъ), просомъ или морковью, рѣже кунжутомъ, макомъ или чечевицей; вторые посѣвы созрѣваютъ и снимаются осенью того-же года; затѣмъ на слѣдующую весну, поле засѣвается яровыми растеніями — главнымъ образомъ рисомъ и сорго, а также, въ небольшихъ количествахъ, хлопчатникомъ и люцерной. Урожаи съ поливныхъ пашенъ какъ въ Семипалатинской, такъ и въ Семирѣченской области получаются очень крупные, а неурожаевъ не бываетъ никогда. Хлѣба, воздѣлываемаго на поливныхъ земляхъ, не только хватаетъ для собственнаго продовольствія земледѣльцевъ, но часть его идетъ еще на продажу въ Китай и ближайшія киргизскія кочевья.

Въ Амурской области надо строго различать хозяйство русскаго населенія,—крестьянъ и казаковъ, — отъ хозяйства инородцевъ — корейцевъ и манджуръ. У русскихъ хозяйство ведется чрезвычайно экстензивнымъ способомъ: вновь расчищаемая пашня перепахивается нѣсколько разъ, въ теченіе цѣлаго года, и затѣмъ ежегодно засѣвается хлѣбами, безъ пара или удобренія, до тѣхъ поръ, пока не дойдетъ до совершеннаго истощенія; съ лучшихъ глинистыхъ земель снимаютъ такимъ образомъ до 15 хлѣбовъ подрядъ, съ плохихъ — не болѣе 7—8; первые годы по расчисткѣ пашни сѣютъ пшеницу или яровую рожь, затѣмъ переходятъ къ овсу, потомъ годъ или два сѣютъ гречиху; послѣ гречихи, нѣсколько возстановляющей плодородіе почвы, сѣютъ опять пшеницу или ярицу, затѣмъ опять овесъ, пока и этотъ хлѣбъ не перестаетъ давать удовлетворительные урожаи. Разъ заброшенныя поля очень рѣдко распахиваются вновь, хотя и могли-бы послѣ отдыха давать довольно хорошіе урожаи; поднимаютъ почти исключительно свѣжія, никогда раньше не паханныя земли, въ которыхъ до сихъ поръ, въ виду недавняго заселенія края, нѣтъ недостатка. Урожаи хлѣбовъ въ количественномъ отношеніи очень высоки, но качество

амурскаго хлѣба далеко не удовлетворительно: излишекъ влаги мѣшаетъ правильному наливу хлѣба, а зерно получается темное, легковѣсное и мало питательное.

Такой-же характеръ имѣетъ, говоря вообще, и русское земледѣліе въ Уссурійскомъ краѣ, съ тою только особенностью, что посѣвы, во избѣжаніе вымоканія, производятся здѣсь рядами, въ видѣ небольшихъ грядокъ, причемъ остающіяся между ними борозды служатъ водосточными и вентиляціонными канавами.

Что̀ касается живущихъ въ Приамурьѣ корейцевъ и манджуръ, то ихъ хозяйство, въ противуположность русскому, отличается большою интензивностью: размѣры запашекъ не велики, но за то пашни чрезвычайно тщательно обрабатываются, посѣвъ производится рядами, отъ руки или сѣялкой, всходы пропалываются по нѣскольку разъ въ лѣто, такъ что на поляхъ манджуръ и корейцевъ почти вовсе не видно сорныхъ травъ, которыя у русскаго населенія являются такимъ опаснымъ врагомъ посѣвовъ. Разводится у корейцевъ и манджуръ, главнымъ образомъ, „буда“ (Setaria italica), затѣмъ—разнообразныя другія хлѣбныя и огородныя растенія. Буда является у манджуръ и корейцевъ главнымъ пищевымъ средствомъ: при посѣвѣ въ 18—20 фунтовъ, десятина буды даетъ 150—200 и болѣе пудовъ, такъ что урожай одной десятины на годъ или полтора обезпечиваетъ семью продовольствіемъ.

Окончивъ съ описаніемъ главнѣйшихъ изъ существующихъ въ Сибири системъ земледѣлія, необходимо перейти къ разсмотрѣнію цифровыхъ данныхъ о его современномъ состояніи. „Настоящее золото Сибири“, говоритъ Бремъ, „составляетъ ея черноземъ“. И, дѣйствительно, замледѣліе является въ настоящее время важнѣйшимъ и наиболѣе обезпечивающимъ занятіемъ осѣдлаго сибиряка и въ немъ же заключается все будущее этой страны. Можно принять, что на всей территоріи Сибири, въ среднемъ, ежегодно собирается около 160 милліоновъ пудовъ разныхъ хлѣбовъ, причемъ на Тобольскую и Томскую губ., какъ наиболѣе населенныя, приходится приблизительно по 20%, на Енисейскую и Иркутскую губ. и Семирѣченскую обл. по 12—15%, на Семипалатинскую, Акмолинскую и Забайкальскую обл. по 3—5% и наконецъ остальное количество распредѣляется между Якутскою, Приморскою и Амурскою областями. Относительно двухъ послѣднихъ областей и нѣкоторыхъ мѣстностей степной полосы слѣдуетъ однако замѣтить, что, благодаря ихъ успѣшной колонизаціи, земледѣльческая производительность этихъ окраинъ въ послѣдніе годы возрастаетъ чрезвычайно быстро и нѣтъ сомнѣнія, что въ близкомъ будущемъ онѣ займутъ очень видное мѣсто въ ряду хлѣбопроизводящихъ странъ. Обращаясь къ роду воздѣлываемыхъ въ Сибири хлѣбовъ, нужно замѣтить, что около 60% всего производства составляютъ яровая пшеница и овесъ, около 20%—озимая рожь, а остальные 20% приходятся на долю всѣхъ другихъ хлѣбовъ.

Что касается цѣнъ на нихъ, то особенно рѣзко бросается въ глаза неустойчивость ихъ, какъ и неустойчивость урожаевъ, въ пшеничномъ районѣ, и главнымъ образомъ въ южной части Тобольской губерніи. Среднія цѣны для этой мѣстности опредѣляются слѣдующимъ образомъ:

ржи въ зернѣ....	около	20—25 к.	за пудъ
пшеницы.....	„	50—60 „	„
овса.....	„	1 р. 20 к.—1 р. 30 к.	за четверть
		или 20—22 к.	за пудъ

Что̀ касается колебаній, то минимальная цѣна, до которой рожь падала за послѣднее 20-лѣтіе, была 8—10 к. за пудъ; наивысшихъ предѣловъ цѣна ржи достигала въ 1870 г. (80 к.—1 р. 20 к.), 1884 г. (1 р.—1 р. 50 к.) и особенно въ 1892 году, когда она превысила 2 рубля за пудъ. Какъ быстро измѣняются цѣны, можно видѣть изъ того, что, напр., съ осени 1887 г. до осени 1888 г. рожь въ южной части Тобольской губерніи вздорожала почти впятеро: цѣна ея поднялась съ 12—15 до 60—70 копѣекъ за пудъ.

Въ мѣстностяхъ, расположенныхъ къ востоку отъ Томска и сѣющихъ по преимуществу рожь, колебанія хлѣбныхъ цѣнъ, какъ и колебанія урожаевъ, нѣсколько менѣе рѣзки, а среднія хлѣбныя цѣны возвышаются по мѣрѣ движенія съ запада на востокъ. Такъ, въ сѣверо-восточной части Томской губерніи цѣны за 25-лѣтній періодъ въ среднемъ составляли:

за пудъ ржаной муки	48	копѣекъ
„ „ пшеничной муки....	76	„
„ „ овса.....	41	„

а въ Иркутской губерніи примѣрныя среднія цѣны за послѣднія 7 лѣтъ были:

за пудъ ржаной муки....около	1 р.	20 к.
„ „ пшеничной муки „	1 р.	90 к.
„ „ овса..... „	1 р.	10 к.

Что̀ касается колебаній, то предѣлы ихъ для Томскаго рынка опредѣляются за послѣднія 25 лѣтъ слѣдующимъ образомъ:

	высшая	низшая	во сколько разъ высшая цѣна превосходитъ низшую?
для ржаной муки	1 р. 45 к.	23 к.	въ 6,3 разъ
„ пшеничной муки.....	1 р. 80 к.	30 к.	въ 6,0 „
„ овса	1 р. 10 к.	17 к.	въ 6,5 „

Такимъ образомъ, колебанія хлѣбныхъ цѣнъ въ Томской губерніи, хотя и значительныя, однако, далеко не достигаютъ интензивности колебаній

цѣнъ въ пшеничныхъ мѣстностяхъ Тобольской губерніи. Въ восточно-сибирскихъ земледѣльческихъ губерніяхъ колебанія хлѣбныхъ цѣнъ имѣютъ приблизительно такой-же характеръ. Что̀ касается тѣхъ мѣстностей Тобольской губерніи, гдѣ уже успѣло упрочиться хозяйство съ удобреніемъ, то тамъ хлѣбныя цѣны, какъ и урожаи, отличаются бо̀льшимъ постоянствомъ, что̀, конечно, оказываетъ очень хорошее вліяніе на благосостояніе населенія. Такъ, у крайней сѣверной границы земледѣльческой культуры въ Тобольской губерніи хлѣбныя цѣны за послѣднее десятилѣтіе стояли:

	высшая	низшая	средняя
за пудъ ржаной муки...	1 р. 30 к.	55 к.	80 к.
„ „ овса	1 р. 00 к.	40 к.	55 к.,

и такимъ образомъ максимальная цѣна превышаетъ здѣсь минимальную всего въ $2^1/_2$ раза.

Независимо отъ колебательнаго движенія, хлѣбныя цѣны во всѣхъ земледѣльческихъ мѣстностяхъ Сибири имѣютъ еще стремленіе къ повышенію, что̀ объясняется, въ ряду другихъ причинъ, также расширеніемъ сбыта сибирскаго хлѣба на винокуреніе и на вывозъ въ Европейскую Россію. Вполнѣ ясное понятіе объ этомъ повышеніи могутъ дать цѣны Томскаго рынка. За двадцатилѣтній періодъ цѣны эти, сведенныя по 5-лѣтіямъ, даютъ слѣдующіе возрастающіе ряды:

	Средняя цѣна пуда		
	ржаной муки	пшен. муки	овса
за пятилѣтіе 1870—1874 г.....	31 к.	66 к.	33 к.
„ 1875—1879 г.....	32 к.	54 к.	34 к.
„ 1880—1884 г.....	58 к.	86 к.	43 к.
„ 1885—1889 г.....	60 к.	88 к.	44 к.

По мѣрѣ успѣха работъ по проведенію Сибирской желѣзной дороги, повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ въ земледѣльческихъ районахъ пойдетъ, безъ сомнѣнія, еще быстрѣе.

Скотоводство въ мѣстностяхъ, вмѣщающихъ въ себѣ главную массу сибирскаго населенія, — во всей земледѣльческой полосѣ Сибири — играетъ въ хозяйственной жизни населенія лишь второстепенную роль. Размѣры и относительное значеніе скотоводства измѣняются здѣсь въ зависимости главнымъ образомъ отъ соотношенія между количествомъ и качествомъ пахатныхъ земель, съ одной стороны, и скотоводческихъ угодій — покосовъ и пастбищъ — съ другой. И сѣнокосами, и пастбищами Сибирь, вообще говоря, очень богата, хотя малая питательность лѣсныхъ травъ и заставляетъ въ большей части Сибири затрачивать на продовольствіе скота гораздо больше сѣна и пастбищныхъ пространствъ, нежели требуется, при прочихъ рав-

ныхъ условіяхъ, въ Европейской Россіи; Сибирь, тѣмъ не менѣе, можетъ содержать еще гораздо больше скота, нежели содержитъ въ настоящее время. Но такъ какъ главная масса крестьянскаго труда затрачивается на земледѣліе, то скотоводство въ дѣйствительности достигаетъ большихъ размѣровъ только тамъ, гдѣ, съ одной стороны, покосовъ и пастбищъ особенно много, а съ другой — недостатокъ пахатной земли въ лѣтнее время освобождаетъ большую часть крестьянскаго труда, и гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ плохое качество пашенъ заставляетъ крестьянъ искать какого-либо дополнительнаго источника существованія. Такъ, въ Тобольской губерніи скотоводство особенно развито въ степныхъ мѣстностяхъ Тюкалинскаго округа, въ Томской— въ степяхъ Каинскаго округа и въ при-Чулымскихъ мѣстностяхъ Томскаго округа,— все мѣстности, гдѣ земледѣліе поставлено въ сравнительно плохія условія. Но и въ этихъ мѣстностяхъ значеніе скотоводства нигдѣ не можетъ быть поставлено выше земледѣлія: послѣднее все-же даетъ главную массу средствъ существованія, — оно кормитъ населеніе, а скотоводство служитъ лишь для удовлетворенія сравнительно второстепенныхъ его потребностей и для пополненія тѣхъ дефицитовъ, которые образуются въ крестьянскомъ хозяйствѣ при дурныхъ урожаяхъ хлѣбовъ.

Размѣры скотоводства чрезвычайно разнообразны и для цѣлыхъ мѣстностей, и для отдѣльныхъ дворовъ: есть зажиточные хозяева, имѣющіе по 10—15 рабочихъ лошадей, 25—30 головъ рогатаго скота, 40—50 овецъ; есть и богачи, запрягающіе по 40—50 лошадей и имѣющіе по сотнѣ и болѣе головъ рогатаго скота; есть, конечно, и бѣдняки, не имѣющіе никакого скота или владѣющіе одною лошадью или коровой. Если затѣмъ обратиться къ среднимъ цифрамъ, то окажутся волости, гдѣ средній дворъ имѣетъ, не считая подростковъ, по 5—6 рабочихъ лошадей, по 5—6 коровъ, по 15—20 овецъ; есть и такія, гдѣ въ среднемъ на дворъ приходится не болѣе 2 лошадей, одной коровы, 3—4 овецъ, или и того меньше. Но въ общемъ выводѣ для цѣлой земледѣльческой полосы Сибири за среднюю норму крестьянскаго скотоводства можно принять 3—4 рабочихъ лошади, 2—3 дойныхъ коровы съ соотвѣтствующимъ числомъ молодого скота, да 6—8 овецъ.

Лошади въ земледѣльческой полосѣ Сибири содержатся, главнымъ образомъ, для земледѣльческой работы, но во многихъ мѣстностяхъ, кромѣ того, и для товарнаго извоза; на трактѣ значительная часть лошадей содержится спеціально для легковаго извоза, перевозки почтъ, и т. п. Сибирская лошадь, вообще говоря, малорослa, неприхотлива къ корму и водѣ, хорошо выноситъ жару и стужу; она быстра на бѣгу, но не сильна, такъ что нормальная нагрузка обыкновенной крестьянской лошади при хорошей дорогѣ не превышаетъ 20—25 пудовъ; только хорошія обозныя лошади возятъ 28—30 п., а на короткихъ перегонахъ и до 35 пуд. Типы лошадей въ разныхъ мѣстностяхъ Сибири не однообразны: такъ, въ южной, степной части Тобольской губерніи лошади представляютъ помѣсь съ киргизскою, степною по-

родой и отличаются особою быстротою и выносливостью на бѣгу; въ при-Томской мѣстности лошади нѣсколько крупнѣе ростомъ, не имѣютъ того бѣга, что̀ киргизская и, вообще, степная лошадь, но за то очень хороши для тяжелаго извоза и земледѣльческой работы, благодаря чему томскія лошади славятся и дорого цѣнятся во всей Восточной Сибири и въ Приамурьѣ. Забайкальская лошадь, напротивъ, малорослa и тоща и не отличается особою пригодностью ни для бѣга, ни для тяжелой ѣзды. Цѣны лошадей подвержены весьма широкимъ колебаніямъ: такъ, въ степныхъ округахъ Тобольской губерніи и въ удаленныхъ отъ тракта мѣстностяхъ Томской, средняя крестьянская лошадь стоитъ не дороже 12 — 15 р., въ сѣверныхъ округахъ Тобольской губерніи и въ трактовыхъ мѣстностяхъ Томской—отъ 20 до 25 рублей; лошадь, годная для почтовой гоньбы, стоитъ въ обѣихъ губерніяхъ 50—60 рублей. Въ Восточной Сибири лошади значительно дороже: въ Иркутской губерніи средняя цѣна рабочей лошади не ниже 35 — 40 р. на Амурѣ за мелкую забайкальскую лошадь платятъ отъ 50 р. до 80 р., за томскую отъ 100 до 150 р.

Рогатый скотъ во всей Сибири принадлежитъ къ обыкновенной русской породѣ; онъ мелокъ (взрослая корова даетъ тушу отъ 5 1/2 до 7 пуд.), довольно тощъ и даетъ лишь незначительный удой: лѣтомъ, при обыкновенномъ кормѣ, корова даетъ около 1/4 и до 3/8 ведра и только при кормѣ жмыхами и т. п. — до 1/2 и 5/8 ведра; зимой удой гораздо меньше и въ среднемъ не превышаетъ 1/8 ведра въ день. Главная масса получаемаго отъ коровъ молока, а равно такіе продукты, какъ творогъ, сметана и т. п. потребляются въ собственномъ хозяйствѣ крестьянъ, и только изъ пригородныхъ мѣстностей молоко идетъ на продажу. Напротивъ, масло, составляющее важный предметъ сибирскаго отпуска, продается изъ каждаго двора, имѣющаго болѣе одной-двухъ коровъ. Конечно и масло не цѣликомъ идетъ въ продажу: бо̀льшая часть его идетъ въ пищу самимъ крестьянамъ, а продается только излишекъ; количество продаваемаго семьею масла зависитъ поэтому не только отъ числа коровъ, но и отъ состава самой семьи; если же взять семью средняго состава (5—6 душъ), то при 2—3 коровахъ такая семья можетъ продать въ наиболѣе благопріятныхъ для скотоводства мѣстностяхъ земледѣльческой полосы не болѣе 10—15 фунт. на каждую корову; при 5—7 коровахъ — по 25—30 фунтовъ, при 8—10 коровахъ — по пуду отъ каждой дойной коровы или нѣсколько болѣе. Масло выдѣлывается сметанное; въ продажу оно идетъ не въ свѣжемъ видѣ, а засаливается и хранится до извѣстныхъ сроковъ, наступающихъ одинъ или два раза въ годъ, когда его скупаютъ прасолы и доставляютъ крупнымъ торговцамъ, которые его перетапливаютъ.

Продажа молока и молочныхъ продуктовъ лишь въ немногихъ, преимущественно пригородныхъ или степныхъ, мѣстностяхъ стоитъ для крестьянъ на первомъ планѣ. Въ общемъ же рогатый скотъ содержится, главнымъ

образомъ, на убой. Изъ продуктовъ убоя мясо потребляется тоже, преимущественно самими крестьянами, и лишь меньшая часть идетъ на продажу въ города; продаются, обыкновенно, сало и кожи. Кожи и сало изъ Западной Сибири идутъ въ Европейскую Россію, изъ Восточной же значительная часть кожъ (изъ одного Забайкалья болѣе 150 тыс. штукъ въ годъ) идетъ на обшивку ящиковъ съ чаемъ. Молочное хозяйство — и то весьма неудовлетворительно поставленное — ведется крестьянами только въ окрестностяхъ болѣе значительныхъ городовъ—Томска, Иркутска и др. Но едва-ли не самымъ важнымъ для крестьянъ способомъ извлеченія денежнаго дохода изъ содержанія рогатаго скота является продажа скота живьемъ, причемъ, конечно, болѣе зажиточные крестьяне воспитываютъ продажный скотъ до болѣе поздняго возраста, нежели бѣдняки. Скупаютъ скотъ особые торговцы-скотопромышленники, которые, затѣмъ, бьютъ его и продаютъ продукты убоя въ городахъ или увозятъ ихъ въ Европейскую Россію.

Цѣны рогатаго скота—конечно только среднія—для нѣкоторыхъ мѣстностей Сибири видны изъ слѣдующей таблицы:

	Коровы средняго возраста	Быка трехлѣтняго	Бычка полуторагодоваго.
въ южной части Тобольской губерніи.....	9—12 р.	6— 8 р.	3— 4 р.
„ средней „ „ „	10—12 „	7— 9 „	4— 5 „
„ Томской губ. вблизи Томска и на трактѣ.	12—15 „	—	5— 7 „
„ глухихъ мѣстностяхъ Томской губерніи...	10—12 „	8— 9 „	4— 5 „
„ Иркутской губерніи	25—30 „	20—25 „	5—10 „

Рогатый скотъ, какъ и лошади, становится тѣмъ дороже, чѣмъ дальше подвигаться съ запада на востокъ; вмѣстѣ съ тѣмъ цѣны рогатаго скота подвержены и весьма рѣзкимъ колебаніямъ во времени, въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ урожая хлѣбовъ и падежей скота: при неурожаѣ бѣдняки продаютъ скотъ для пополненія продовольственнаго дефицита; при приближеніи эпизоотій стараются продать скотъ, хотя-бы за безцѣнокъ, предпочитая это риску падежа. Въ томъ и другомъ случаѣ масса скота бросается на рынокъ, и цѣны падаютъ почти вполовину съ тѣмъ, чтобы послѣ перваго хорошаго урожая или по минованіи падежа вновь болѣе или менѣе значительно подняться.

Овцы, разводимыя въ земледѣльческой Сибири, принадлежатъ, вообще говоря, къ очень плохой породѣ: онѣ даютъ немного мяса (3-лѣтняя овца даетъ тушку отъ 30 ф. до 1 пуда), очень мало сала, а шерсть—плохого качества и въ небольшомъ количествѣ (отъ 25 ф. до 1 пуда съ десятка). Продукты овцеводства потребляются почти исключительно въ собственномъ хозяйствѣ крестьянъ и не даютъ денежнаго дохода. Лучшія породы овецъ разводятся, съ одной стороны, на южныхъ окраинахъ Тобольской и Томской губерній, прилегающихъ къ Киргизской степи, съ другой—въ Минусинскомъ краѣ и въ Забайкальѣ.

Въ первой изъ названныхъ мѣстностей значительная часть овецъ принадлежитъ къ киргизской, курдючной породѣ, разводимой ради сала (годовалая овца даетъ около 20 ф., трехлѣтняя—1 пудъ сала и болѣе); во второй разводятъ овецъ испорченной мериносовой породы, главнымъ продуктомъ которыхъ является шерсть.

Скотоводство, будучи, какъ было уже сказано, лишь второстепеннымъ источникомъ благосостоянія населенія земледѣльческой Сибири, является для него однако существеннымъ подспорьемъ, особенно при дурныхъ урожаяхъ хлѣбовъ. Страшнымъ бѣдствіемъ для населенія, — едва-ли меньшимъ, чѣмъ неурожай,— являются поэтому падежи скота, причиняемые сибирскою язвой и чумой рогатаго скота. Особенно губительны они въ Барабинской степи и мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Киргизской, которыя являются для всей Западной Сибири главнымъ очагомъ сибирской язвы. Распространеніе эпизоотій облегчается здѣсь довольно небрежнымъ содержаніемъ скота, хотя, собственно питаніе послѣдняго, вообще говоря, очень удовлетворительно: отъ 150 до 200 и болѣе пудовъ сѣна на рабочую лошадь, съ добавленіемъ, кромѣ того, 10—15 пудовъ овса, отъ 50 до 100 пудовъ сѣна, съ соотвѣтствующею добавкой соломы, на корову, 25 пудовъ сѣна на овцу, — таковы нормы, которыми опредѣляется кормъ скота въ большинствѣ мѣстностей земледѣльческой Сибири.

Для киргизовъ степныхъ областей (а также для части забайкальскихъ бурятъ) скотоводство является уже не второстепеннымъ, а главнымъ и почти единственнымъ источникомъ благосостоянія. Разводятъ въ степяхъ, главнымъ образомъ, лошадей и овецъ, а рогатаго скота содержатъ, сравнительно, очень мало; лошадей держатъ какъ для передвиженія, такъ и для продовольствія (кумысъ, конское мясо), а также для продажи сосѣднему осѣдлому населенію; овецъ — для убоя на мясо и на сало, котораго степная овца, какъ сказано, даетъ очень много; впрочемъ, киргизы сами бьютъ овецъ преимущественно для собственнаго потребленія; избыточныя овцы продаются живьемъ гуртовщикамъ, которые гонятъ ихъ въ мѣстности, гдѣ устроены салотопенные заводы, и уже здѣсь подвергаютъ убою. Кромѣ лошадей и овецъ, киргизы держатъ и верблюдовъ, которыхъ употребляютъ лѣтомъ въ качествѣ вьючнаго скота, а зимой запрягаютъ въ обыкновенныя крестьянскія сани.

Киргизы почти не заготовляютъ сѣна на зиму, а предоставляютъ скоту бродить по покрытой снѣгомъ степи и добывать себѣ кормъ изъ-подъ снѣга. Когда снѣгъ рыхлъ и лежитъ не толстымъ слоемъ, крупный скотъ, а по его слѣдамъ — и мелкій, легко докапывается до сухой травы; но когда, послѣ перваго снѣга, случаются дожди, а послѣ нихъ — морозы, и почва покрывается слоемъ твердаго льда, то послѣдствіемъ такой гололедицы въ степи является отсутствіе корма и безкормица, во время которой гибнутъ десятки и сотни тысячъ головъ крупнаго и особенно мелкаго скота. Не мало скота

гибнетъ и отъ бурановъ, продолжающихся въ степи по нѣсколько дней кряду: табуны лошадей и стада овецъ, застигнутыя бураномъ, не могутъ устоять противъ напора вѣтра; гонимые по его направленію, они попадаютъ въ забитые снѣгомъ овраги и лощины, гдѣ и гибнутъ массами.

Въ сѣверной некультурной окраинѣ Сибири бродячее инородческое населеніе держитъ оленей и упряжныхъ собакъ. Олени являются необходимыми спутниками бродячаго инородца: крайняя ихъ неприхотливость къ пищѣ позволяетъ держать ихъ тамъ, гдѣ не могутъ существовать никакія другія домашнія животныя, а услуги, оказываемыя оленемъ человѣку, чрезвычайно разнообразны: пока олень живъ, онъ служитъ упряжнымъ животнымъ; когда онъ убитъ, мясо его идетъ въ пищу, шкура — на теплую одежду, жилы — на нитки, и т. д.

Промыслы сельскаго населенія.

Промысловые заработки: рыболовный и охотничій промыслы; добыча кедровыхъ орѣховъ, пчеловодство, заготовка дровъ и строеваго лѣса; кустарные промыслы, извозъ. Заключительныя замѣчанія.

Послѣ представленнаго въ предыдущемъ изложеніи очерка земледѣлія, скотоводства и лѣсоводства—этихъ главныхъ источниковъ благосостоянія массы сибирскаго населенія,—предстоитъ теперь перейти къ обзору другихъ, второстепенныхъ источниковъ; въ виду ихъ вспомогательнаго значенія имъ можно однако отвести гораздо меньше мѣста, нежели нужно было посвятить земледѣлію, такъ что нижеслѣдующія страницы представятъ собой не столько описаніе, сколько краткій обзоръ, мотивированный перечень тѣхъ промысловъ, которыми занимается сибирское населеніе.

На первомъ планѣ по числу занятыхъ рукъ надо поставить здѣсь рыболовный и охотничій промыслы.

Внутреннія воды Сибири—какъ большія рѣки, такъ и бо́льшая часть степныхъ озеръ—когда-то были чрезвычайно богаты рыбой: въ озерахъ водились главнымъ образомъ окуни, караси, щуки, плотва и т. п. мелкая рыба; въ рѣкахъ—разнообразнѣйшіе виды „бѣлой“ и „красной“ рыбы, начиная съ тѣхъ-же окуней и щукъ и кончая нельмою, осетрами, стерлядями, налимами, форелями и т. п. Изобиліе рыбы было баснословно: есть достовѣрныя свѣдѣнія о массѣ рыбы, совершенно наполнявшей русло рѣки отъ дна ея до поверхности и даже вскакивавшей въ окна пароходовъ, и т. п. Въ настоящее время запасы рыбы въ сибирскихъ водахъ значительно истощились: въ чертѣ густо заселенной русскими чисто земледѣльческой полосы Сибири рыбная ловля служитъ уже почти исключительно для собственнаго потребленія прибрежнаго населенія и лишь въ немногихъ мѣстахъ доставляетъ послѣднему болѣе значительный заработокъ. Промысловыя ловли сосредоточиваются въ настоящее время преимущественно въ нижнихъ тече-

ніяхъ большихъ сибирскихъ рѣкъ, внѣ предѣловъ культурной полосы (въ Западной Сибири округа Березовскій, Сургутскій и Тобольскій, а также Нарымскій край; въ Восточной—низовья Енисея, Якутская область, Камчатка и др.). Рыболовныя угодья здѣсь частью не имѣютъ владѣльцевъ, частью состоятъ во владѣніи прибрежнаго крестьянскаго или инородческаго населенія. Угодья, принадлежащія крестьянамъ, большею частью эксплоатируются ими самими единолично или на общинно-артельномъ началѣ; напротивъ, инородцы сами эксплоатируютъ лишь ничтожныя части принадлежащихъ имъ фактически обширныхъ угодій; все остальное они сдаютъ въ аренду, обыкновенно за безцѣнокъ, сосѣднимъ крестьянамъ, а главнымъ образомъ—капиталистамъ-рыбопромышленникамъ, которые ведутъ промыселъ на коммерческихъ началахъ при помощи многочисленныхъ партій наемныхъ рабочихъ.

Ловля рыбы производится лѣтомъ и зимой, причемъ примѣняются самые разнообразные способы: употребляются, смотря по привычкамъ той или другой рыбы, невода самыхъ разнообразныхъ размѣровъ, мелкія сѣти, удочки, переметы съ нѣсколькими десятками крючковъ, съ приманкою или безъ нея; зимою нѣкоторыя рѣки перегораживаются во всю свою ширину, и въ отверстія изгороди ставятся ловушки; въ концѣ зимы, когда вода въ рѣкахъ портится и рыба бросается за свѣжею водою въ мелкія ключевыя рѣчки, ее ловятъ здѣсь въ прорубяхъ сачками, ковшами и просто руками. Но крупное коммерческое рыболовство въ низовьяхъ большихъ рѣкъ производится исключительно лѣтомъ, огромными неводами въ 250—300 и болѣе саженъ длины. При выборѣ способовъ для добычи рыбы и крестьяне, и инородцы, и крупные рыбопромышленники очень мало заботятся о будущемъ и не брезгаютъ самими хищническими пріемами, чему въ значительной мѣрѣ надо приписать и истощеніе рыбныхъ запасовъ въ сибирскихъ водахъ.

Добытая рыба, если она не потребляется на мѣстѣ, идетъ въ продажу либо въ замороженномъ, либо въ соленомъ видѣ; но засолъ въ Сибири производится весьма плохо, такъ что рыба пріобрѣтаетъ дурной вкусъ и скоро портится,—и это обстоятельство конечно служитъ существеннымъ препятствіемъ къ правильному развитію сибирскаго рыболовнаго промысла.

Рыболовный промыселъ существуетъ и въ Приморской области, въ водахъ Великаго океана; кромѣ рыбы, здѣсь добываютъ тюленей и моржей, причемъ мясо и жиръ ихъ идутъ инородцамъ въ пищу, а продаются только моржевые клыки; тамъ же ловятъ китовъ, а на Командорскихъ островахъ и котиковъ, но объ этомъ будетъ сказано въ слѣдующей статьѣ.

Охотничій промыселъ составляетъ занятіе, главнымъ образомъ, населенія сѣверной, некультурной окраины Сибири, а также переходной полосы, отдѣляющей эту окраину отъ культурной области; но въ качествѣ второстепеннаго занятія онъ существуетъ также въ довольно многихъ мѣстностяхъ земледѣльческой области, расположенныхъ достаточно близко къ незаселеннымъ лѣснымъ пространствамъ.

Ареной охотничьяго промысла являются тайги и урманы—необъятныя лѣсныя пространства, вездѣ прилегающія съ сѣвера къ населенной полосѣ Сибири; охотятся отчасти съ ружьемъ (а нѣкоторые инородцы съ лукомъ и стрѣлами), отчасти съ ловушками самаго разнообразнаго устройства. Наиболѣе распространеннымъ по всей Сибири видомъ промысла является охота на бѣлку, затѣмъ на различныхъ лѣсныхъ и водяныхъ птицъ; пушные звѣри, прежде въ изобиліи водившіеся во всей Сибири, въ настоящее время въ Западной Сибири, кромѣ бѣлки, простой лисицы, горностая и медвѣдя почти перевелись, такъ что охотой на соболя и даже куницу здѣсь занимаются лишь весьма немногіе охотники; главная добыча цѣнной пушнины происходитъ теперь на сѣверныхъ окраинахъ Восточной Сибири, гдѣ истребленіе звѣря не сдѣлало еще такихъ большихъ успѣховъ. На крупныхъ звѣрей—медвѣдей и лосей—охотятся по всей Сибири, но этотъ видъ охоты доступенъ, конечно, не всякому охотнику, а только наиболѣе ловкимъ и смѣлымъ изъ нихъ. Въ тундрахъ Восточной Сибири инородцы-тунгузы и др. охотятся на сѣверныхъ оленей, въ южныхъ, гористыхъ мѣстахъ восточно-сибирскихъ губерній и Приамурья — на разнообразнѣйшихъ звѣрей, между прочимъ и на мараловъ, рога которыхъ имѣютъ высокую цѣнность.

Усиленная охота за цѣннымъ звѣремъ, а въ особенности большіе лѣсные пожары въ Западной Сибири заставляетъ пушнаго звѣря эмигрировать, направляя его, главнымъ образомъ, на востокъ — въ дѣвственныя дебри якутскихъ лѣсовъ. Здѣсь цѣнный соболь встрѣчается нерѣдко, но зато охотники появляются рѣже. Песцовый промыселъ также составляетъ немаловажное подспорье къ источникамъ благосостоянія якутовъ, долганъ и др. инородцевъ. Во время хода песца отъ моря вверхъ по рѣкѣ, послѣднюю пересѣкаютъ поперекъ неводами или засѣками, и съ помощью особыхъ ловушекъ песецъ ловится иногда въ значительномъ количествѣ. Такъ, въ 1860 г. во время обильнаго хода песцовъ на Енисеѣ было добыто ихъ до 7,000 штукъ.

Заработокъ, доставляемый населенію охотничьимъ промысломъ, принадлежитъ къ числу самыхъ непостоянныхъ. Сравнительно менѣе случайный характеръ имѣетъ успѣхъ охоты на бѣлку, но и эта послѣдняя, въ зависимости отъ урожая составляющихъ ея главную пищу шишекъ хвойныхъ деревьевъ, то уходитъ въ самые дальніе, недоступные для охотниковъ лѣса, то выходитъ въ болѣе близкія урочища; въ послѣднемъ случаѣ охота бываетъ удачна: хорошіе охотники добываютъ за зиму въ Тобольской губерніи по 200—300, дальше къ востоку до 500 бѣлокъ „на ружье“; когда масса бѣлки уходитъ въ дальніе лѣса, лучшій охотникъ не настрѣляетъ и пятой доли указаннаго количества. Довольно постоянный заработокъ даетъ и охота на рябчика, котораго стрѣляютъ, главнымъ образомъ, въ Тобольской губерніи для сбыта въ Европейскую Россію, добывая за зиму по 50—100 паръ, а при успѣхѣ и гораздо больше; охота на другую птицу—тетеревей, дикихъ гусей,

утокъ и т. п.—въ Сибири не имѣетъ большого значенія; на такую птицу охотятся больше „для забавы“, и лишь небольшія количества ея идутъ въ продажу. Что̀ касается до охоты на пушнину, а также на медвѣдей и т. п. звѣрей, то здѣсь все зависитъ отъ случая: при удачѣ на такой охотѣ зарабатываютъ сотни рублей; при неудачѣ случается, что охотникъ, пробродивъ по лѣсамъ ползимы, возвращается ни съ чѣмъ или съ добычею, не покрывающею стоимости продовольствія его самого и собаки. Изъ пушнины въ Восточной Сибири добываются, главнымъ образомъ, соболи, лисицы, куницы, колонки; горностаевъ, за отсутствіемъ спроса, почти не бьютъ; промышляютъ пушнину преимущественно инородцы, какъ потому, что они владѣютъ на правѣ давности всѣми лучшими промысловыми угодьями, такъ и потому, что обладаютъ въ области охотничьяго промысла гораздо бо̀льшимъ умѣньемъ, ловкостью и выдержкой, нежели русскіе крестьяне.

Для удовлетворенія инородцевъ сѣвернаго края Тобольской и Енисейской губ. и Якутской области въ потребностяхъ звѣропромышленности, составляющей тамъ, если не единственный, то во всякомъ случаѣ одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ ихъ существованія, правительство во многихъ мѣстахъ производитъ имъ изъ казны отпускъ въ долгъ пороху, дроби и свинца. Для этой цѣли при инородческихъ хлѣбозапасныхъ магазинахъ постоянно имѣются необходимые запасы этихъ предметовъ, и инородцы весьма охотно пользуются казенной ссудой, чтобы не обязываться частнымъ промышленникамъ.

Тѣ же безграничные сибирскіе лѣса являются средоточіемъ и другого промысла, очень важнаго въ экономіи довольно значительной части населенія,—сбора кедровыхъ орѣховъ. Промыселъ этотъ существуетъ во всѣхъ сибирскихъ губерніяхъ: кедровые лѣса, иногда небольшіе, но нерѣдко растянувшіеся на десятки и сотни квадратныхъ верстъ, разбросаны по всѣмъ урманамъ и тайгамъ и большею частью, какъ было упомянуто выше, предоставляются казной въ безвозмездное пользованіе всѣмъ желающимъ; на сборъ орѣха собираются изъ селеній, расположенныхъ отъ кедровника за 30—50, иногда и за 100 верстъ; стекаются для сбора изъ тѣмъ болѣе широкихъ районовъ, чѣмъ больше самый кедровникъ и чѣмъ лучше урожай орѣха. Урожаи орѣха бываютъ не каждый годъ: среднимъ числомъ орѣхъ родится въ два года разъ, но часто урожаи бываютъ настолько ничтожны, что сколько-нибудь отдаленные кедровники вовсе не привлекаютъ къ себѣ промышленниковъ; хорошіе урожаи бываютъ обыкновенно не чаще, чѣмъ разъ въ 4—5 лѣтъ, а разъ въ 10—15 лѣтъ бываютъ отличные урожаи. При сборѣ орѣха трудъ обыкновенно раздѣляется: съемку шишки съ кедра производятъ сильные, ловкіе работники—„лазаки“; они сбрасываютъ шишку на землю, а здѣсь ее подбираютъ другіе—обыкновенно подростки или женщины. И вотъ, при хорошемъ урожаѣ, „лазакъ“ съ 2—3 помощниками добываетъ около 30—50, при отличномъ 100 пудовъ орѣха и болѣе; въ Тобольской губерніи, впрочемъ, добычи орѣха не бываютъ такъ велики, какъ дальше

къ востоку; но такъ какъ въ Тобольской губерніи орѣхъ продается гораздо дороже, то размѣры заработка, при данномъ относительномъ урожаѣ, во всѣхъ сибирскихъ губерніяхъ приблизительно одинаковы: на „лазака“ при среднемъ урожаѣ достается 50—100 р., при отличномъ—200 и 250 р. и болѣе: одинъ отличный урожай иногда приводитъ къ длящемуся улучшенію экономическаго положенія той части населенія, которой удалось воспользоваться сборомъ орѣха.

Къ числу лѣсныхъ промысловъ въ Сибири относится и пчеловодство, довольно сильно развитое во всемъ Алтайскомъ горномъ округѣ и въ ближайшихъ къ нему частяхъ остальныхъ округовъ Томской губерніи. Пчеловодство въ Сибири имѣетъ бортевой характеръ; пчелы разводятся въ лѣсахъ, причемъ пища для нихъ не воздѣлывается искусственно, а доставляется травами и кустарниками, въ изобиліи растущими въ тайгѣ; содержатъ пчелъ въ простыхъ колодахъ, выдолбленныхъ изъ толстыхъ деревьевъ. Размѣры пчеловодныхъ хозяйствъ весьма разнообразны: есть хозяева, имѣющіе не болѣе 3—5 колодокъ, есть и такіе, пасѣки которыхъ состоятъ изъ 500—1,000 колодокъ и болѣе; средній размѣръ крестьянской пасѣки въ мѣстностяхъ съ наибольшимъ развитіемъ пчеловодства (а такими являются, главнымъ образомъ, группы селеній, лежащія у самой окраины тайги) можно опредѣлить въ 75—100 колодокъ, а число пчеловодовъ въ такихъ мѣстностяхъ составляетъ треть, половину и болѣе общаго числа домохозяевъ. Впрочемъ, въ настоящее время размѣры пчеловодства значительно сократились въ сравненіи съ тѣмъ, что было лѣтъ 15—20 тому назадъ: не мало пасѣкъ совершенно перестало существовать, а въ остальныхъ число колодокъ сократилось вдвое и болѣе. Причиною этого явленія послужили отчасти плохіе урожаи пчелинаго корма, отчасти—и болѣзни пчелъ; массы колодокъ совершенно вымерли, а остальныя стали давать гораздо меньше продукта: прежде каждая колодка давала въ среднемъ не менѣе 1 пуда меду, тогда какъ теперь $^1/_2$ пуда на колодку считается уже очень благопріятнымъ сборомъ.

Тотъ-же лѣсъ, далѣе, является ареной цѣлаго ряда промысловъ, гдѣ природа даетъ человѣку уже не готовый или почти готовый продуктъ, какъ въ разсмотрѣнныхъ до сихъ поръ случаяхъ, а только матеріалъ, къ которому прилагается трудъ. Здѣсь надо указать прежде всего на заготовки строевого и особенно дровяного лѣса; районы съ болѣе значительнымъ развитіемъ лѣсныхъ заготовокъ разбросаны по всей Сибири и группируются, по понятнымъ причинамъ, около болѣе значительныхъ городовъ и вдоль судоходныхъ и сплавныхъ рѣкъ; такъ, Томскъ окруженъ райономъ съ населеніемъ около 15 тысячъ душъ, гдѣ заготовка дровъ для потребностей города является однимъ изъ основныхъ источниковъ существованія; такіе-же районы расположены около Тюмени, Красноярска, Иркутска, хотя эти города бо̀льшую часть нужнаго имъ лѣсного матеріала получаютъ сплавомъ изъ сравнительно отдаленныхъ мѣстностей. Что̀ касается прирѣчныхъ мѣст-

ностей, то здѣсь господствующимъ видомъ лѣсныхъ заготовокъ является поставка дровъ на пароходы, ежегодно истребляющіе по одной Оби громадное количество дровъ; нѣкоторыя мѣстности, расположенныя вверхъ по теченію отъ болѣе значительныхъ городовъ, заготовляютъ и сплавляютъ для этихъ послѣднихъ строевой лѣсъ и отчасти дрова; такъ, Тюмень получаетъ почти весь строевой лѣсъ изъ южной части Туринскаго округа, Тобольскъ— изъ волостей того-же Туринскаго и Тобольскаго округа, лежащихъ по рѣкѣ Тавдѣ, и т. д.

Лѣсныя заготовки для ближняго сбыта производятся каждымъ крестьяниномъ за свой счетъ и страхъ, дальнія поставки и особенно сплавная операція— за счетъ болѣе или менѣе крупныхъ лѣсопромышленниковъ; у этихъ послѣднихъ масса заготовщиковъ работаетъ или по найму, или по особымъ договорамъ.

Кустарные промыслы въ Сибири не представляютъ большого разнообразія: важнѣйшую часть ихъ, занимающую наибольшее количество рукъ и доставляющую населенію наибольшій заработокъ, составляютъ разные виды механической обработки дерева, направленные къ удовлетворенію потребностей частью мѣстнаго крестьянства, отчасти — столь важнаго въ Сибири извознаго промысла. Отдѣльные дворы кустарей-древодѣловъ попадаются повсемѣстно; но болѣе или менѣе обширныя группы кустарнаго населенія сосредоточиваются по преимуществу тамъ, гдѣ, съ одной стороны, близость лѣса облегчаетъ заготовку сырого матеріала, а съ другой— продукты могутъ имѣть болѣе или менѣе легкій и близкій сбытъ. Наиболѣе крупные изъ тѣхъ довольно многочисленныхъ кустарныхъ районовъ, которые можно было-бы намѣтить, группируются около городовъ: Тюмени, Томска и Иркутска. Первый охватываетъ значительную часть Тюменскаго и Туринскаго округовъ; здѣсь изготовляются дровни, лопаты, деревянная посуда, простая мебель и другіе предметы, употребляемые въ крестьянскомъ обиходѣ, а также мочало, рогожи, колеса, товарныя сани и другіе предметы, употребляемые, главнымъ образомъ, при снаряженіи обозовъ. Продукты перваго рода развозятся по деревнямъ и распродаются крестьянамъ, мѣстомъ же сбыта издѣлій второго рода является Тюмень, а покупателями ихъ — обозные извощики. Въ при-Томскомъ кустарномъ районѣ работаютъ преимущественно для потребностей обознаго движенія: изготовляютъ обозныя сани, корпуса телѣгъ, колеса, оси, дуги, оглобли, хомуты, деготь, посуду для кормленія обозныхъ лошадей, уголь для кузницъ и т. п.,—и всѣ эти продукты сбываются на базарѣ въ Томскѣ. Тѣ же издѣлія преобладаютъ и въ кустарномъ промыслѣ Иркутскаго района, но кромѣ того, на ряду съ ними, и въ Томскомъ, и въ Иркутскомъ районахъ выдѣлываются разные сорта деревянной посуды, разные виды мебели, берестяныя и нѣкоторыя токарныя издѣлія,— все, опять-таки, предметы мѣстнаго крестьянскаго обихода.

Какъ видно изъ изложеннаго, лѣсъ даетъ сибирскому крестьянину разнообразнѣйшіе заработки; онъ является главнымъ источникомъ, изъ

котораго пополняются дефициты, оставляемые земледѣліемъ и скотоводствомъ, и значительно уравновѣшиваетъ крестьянскій бюджетъ. Къ сожалѣнію, однако, лѣсныя богатства Сибири находятся въ печальномъ состояніи: выше упоминалось уже объ истощеніи запасовъ дичи и пушнины; но и самые лѣса въ Сибири истребляются чрезвычайно быстро — значительно быстрѣе, нежели можно было-бы ожидать при данной ничтожной густотѣ населенія. Хорошихъ, дѣйствительно дѣвственныхъ лѣсовъ, по крайней мѣрѣ въ культурной части Сибири, осталось очень мало, а южные округа западно-сибирскихъ губерній уже въ значительной мѣрѣ обезлѣсены и ощущаютъ недостатокъ не только въ строевомъ, но нерѣдко и въ дровяномъ лѣсѣ. Причина этого явленія лежитъ въ неумѣренныхъ и безпорядочныхъ вырубкахъ, истребляющихъ во много разъ больше, нежели допускаетъ ежегодный приростъ, и лѣсныхъ пожарахъ, распространяющихся на сотни и тысячи квадратныхъ верстъ.

Значеніе промысловъ, не связанныхъ съ эксплуатаціей лѣса, въ общей экономіи страны не велико. Здѣсь надо указать прежде всего на ручное пряденіе и ткачество, перерабатывающее ленъ и шерсть въ холстъ и грубое сукно; ткачество имѣетъ почти исключительно домашній характеръ: лишь небольшія количества холста и сукна идутъ въ продажу, главная же масса потребляется, въ видѣ одежды въ крестьянскихъ хозяйствахъ; впрочемъ, во многихъ, особенно пригородныхъ и трактовыхъ мѣстностяхъ домашніе холсты и сукна вытѣснены привозными фабричными тканями. Далѣе надо указать на промыслы кожевенное, овчинное, шерстобитное, на выдѣлку валеной шерстяной обуви, шляпъ, поясовъ, варежекъ и т. д.; всѣ эти производства существуютъ повсемѣстно. Обыкновенно шерстобиты, овчинники и т. п. живутъ въ селеніяхъ по одиночкѣ, занимаясь промысломъ въ качествѣ подспорья къ земледѣлію и работая въ своей или ближайшихъ деревняхъ изъ чужого матеріала, за поштучную плату; но мѣстами овчинники, мастера валеной обуви, кожевники, живутъ цѣлыми группами, болѣе спеціализируются на ремеслѣ и работаютъ на населеніе болѣе значительныхъ окрестныхъ районовъ; особенно крупные районы распространенія выдѣлки валеныхъ сапогъ расположены въ Курганскомъ и Тюменскомъ округахъ Тобольской губерніи, гдѣ работаютъ не только для ближайшихъ окрестностей, но также и для сбыта въ Восточную Сибирь.

Изъ другихъ видовъ промысловъ можно указать на плотничное и столярное, на выдѣлку кирпичей и т. п. занятія, существующія, конечно, повсемѣстно, но мѣстами выдѣляющіяся въ небольшія промысловыя группы. Изъ промысловъ сравнительно высшаго порядка можно назвать выдѣлку металлическихъ ситъ, ковровое производство и живописное ремесло въ Тюменскомъ округѣ, постройку мельницъ въ Ишимскомъ, выдѣлку заячьихъ мѣховъ вблизи Томска, производство вѣялокъ въ Маріинскомъ округѣ и на Алтаѣ, и нѣкоторые другіе. Всѣ эти промыслы существуютъ лишь въ

отдѣльныхъ селеніяхъ или группахъ селеній, но въ районѣ своего распространенія довольно сильно спеціализируются и даютъ занятому ими населенію довольно значительный заработокъ.

Чтобы покончить съ крестьянскими промыслами, остается еще сказать нѣсколько словъ объ извозномъ промыслѣ и связанныхъ съ нимъ другихъ занятіяхъ. Главнымъ видомъ извоза является, несомнѣнно, товарный извозъ; имъ занята не только значительная часть населенія, живущаго у самихъ трактовъ, но и довольно много крестьянъ, живущихъ въ сторонѣ отъ послѣднихъ, въ сферѣ притяженія тѣхъ или иныхъ погрузочныхъ пунктовъ (главнымъ образомъ Тюмени, Томска и Иркутска). Изъ отраслей товарнаго извоза надо указать, какъ на главнѣйшій, на извозъ по главному Сибирскому тракту — перевозку товаровъ между разными мѣстностями Сибири и Европейскою Россіей; затѣмъ—на перевозку припасовъ на золотые пріиски и въ инородческія кочевья, расположенныя внѣ черты культурной полосы Сибири, и нѣк. др. Но важнѣйшимъ изъ всѣхъ этихъ видовъ несомнѣнно является извозъ по главному Сибирскому тракту, о чемъ необходимо сказать нѣсколько словъ.

Главнѣйшими предметами перевозокъ изъ Европейской Россіи въ Сибирь являются разнообразнѣйшіе продукты обрабатывающей промышленности, начиная съ дамскихъ нарядовъ и кондитерскаго печенья и кончая машинами и полосовымъ желѣзомъ; изъ Западной Сибири въ Европейскую Россію везутъ хлѣбъ и продукты убоя скота—кожи, сало и т. п., а изъ Восточной—почти исключительно чай, которымъ ежегодно нагружаются многіе десятки тысячъ подводъ. Въ общемъ товарный извозъ по Сибирскому тракту и теперь занимаетъ сотни тысячъ лошадей и десятки тысячъ людей, хотя, какъ было уже говорено выше, размѣры его въ настоящее время значительно сократились въ сравненіи съ прежнимъ. Значительно понизилась и доходность извознаго промысла: тогда какъ прежде средняя провозная плата, напримѣръ, между Томскомъ и Иркутскомъ (около 1,500 верстъ) была отъ 2 р. 50 к. до 3 р. за пудъ груза, теперь она не превышаетъ обыкновенно 1 р. 60 к.—1 р. 80 к., а иногда падаетъ и ниже; дорожные же расходы не только не сократились, но скорѣе, благодаря вздорожанію хлѣба, даже увеличились. Такимъ образомъ, въ прежнее время человѣкъ съ пятью лошадьми въ поѣздку между Томскомъ и Иркутскомъ и обратно, продолжавшуюся два мѣсяца, зарабатывалъ, за покрытіемъ всѣхъ издержекъ, отъ 200 до 250 р.; теперь же чистый заработокъ, при среднихъ условіяхъ, не превышаетъ 40—50 р., а при неудачѣ, особенно при покражахъ товаровъ, за которыя извощики должны отвѣчать, нерѣдко случаются и крупные убытки. Если крестьяне при такихъ условіяхъ продолжаютъ еще заниматься извозомъ, то только потому, съ одной стороны, что для нихъ важно полученіе разомъ, въ видѣ задатковъ, сравнительно крупныхъ суммъ, а съ другой, что они считаютъ въ счетъ чистой

прибыли и содержаніе во время поѣздки лошадей и возчиковъ, которыя иначе пришлось-бы кормить въ теченіе зимы совершенно даромъ.

Во всякомъ случаѣ извозъ по Сибирскому тракту въ настоящее время далеко не тотъ, что̀ былъ прежде, а вмѣстѣ съ нимъ пришли въ упадокъ и всѣ заработки, составляющіе занятіе населенія расположенныхъ на трактѣ пунктовъ; такими заработками являются доставленіе обозамъ постоя и содержанія (дворничество), перевозка отъ станціи до станціи срочныхъ товаровъ, слѣдующихъ на перемѣнныхъ лошадяхъ, замѣна усталыхъ лошадей въ обозахъ, разгрузки и перегрузки при замерзаніи рѣкъ или порчѣ дорогъ, пассажирскій извозъ разнообразнѣйшихъ видовъ, различные случайные заработки; все это не даетъ теперь и четвертой части прежнихъ доходовъ, и трактовому населенію, какъ уже было сказано, приходится все болѣе и болѣе сосредоточиваться на земледѣліи.

Предъидущее изложеніе не исчерпало, да и не имѣло въ виду исчерпать всѣхъ видовъ неземледѣльческихъ заработковъ крестьянскаго населенія Сибири. Сдѣланный обзоръ этихъ заработковъ долженъ былъ намѣтить только важнѣйшіе изъ этихъ заработковъ и указать ихъ мѣсто въ экономической жизни населенія. Мѣсто это, если говорить о неземледѣльческихъ заработкахъ вообще, въ настоящее время значительно только для тѣхъ частей Сибири, которыя лежатъ внѣ ея культурной полосы или у окраинъ этой послѣдней. Въ земледѣльческой полосѣ неземледѣльческіе заработки и теперь играютъ второстепенную роль. Будущность сибирскаго крестьянства неразрывно связана съ будущностью земледѣлія и находится поэтому въ тѣсной зависимости отъ улучшенія какъ технической, такъ особенно экономической обстановки этого послѣдняго.

Печатано по распоряженію Д-та Торговли и Мануфактуръ.

Типографія В. Киршбаума, Дворц. площ., д. М-ва Финансовъ.

29 МАР 1960